
ЖЕНА для НАЕМНИКА
АРИ ДАЛЕ

Ари Дале
Жена для наемника

https://litres.ru/74791079

Аннотация

Я сбежала!

От прежней жизни. От мужчины, который связал меня по рукам и ногам. От любви... Сейчас мне хочется одного — чувствовать себя свободной, пожить для себя, встать крепко на ноги. Но как только я начинаю дышать полной грудью, на моем пути встает он.

Меня тянет к нему. Сильно. Каждый раз, когда заглядываю в его нереальные голубые глаза, теряю связь с реальностью. Хочется забыть об осторожности, броситься к нему в объятья и позволить позаботиться обо всем. Но у него самого полно проблем. Да таких, которые мне даже не снились. Из-за них может пострадать не только он, но и я.

Как нам все это преодолеть? Как поверить, что ему нужна именно я? Тем более, когда ему срочно нужна жена...

#Властный герой #Эмоции на грани ХЭ

Добавляйте в библиотеку, будет жарко!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	56
Глава 9	61
Глава 10	66
Глава 11	75
Глава 12	81
Глава 13	86
Глава 14	94
Глава 15	102
Глава 16	109
Глава 17	122
Глава 18	134
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Глава 1

— Разрешите купить вам выпить.

Я в очередной раз слышу ломаную английскую речь и снова не смотрю на того, кто стоит у меня за спиной. Тем более мужчина пьян, даже музыка не скрывает заплетающийся язык. Просто кручу трубочку в коктейле, сидя за барной стойкой.

Вместо стен в баре тонированные стекла. Да и столиков немного, как и людей, что странно для Дубая. Хотя меня привлекла как раз полу пустота небольшого помещения. Хотелось немного побыть одной. Да и безалкогольный Мохито интересовал меня куда больше, чем любые знакомства. Я и так сбежала на другой конец света, чтобы скрыться от одной особи мужского пола. «Цеплять» другую точно не намерена.

— Спасибо, не нужно, — поднимаю коктейль и, не оборачиваясь, тяну мятную жидкость через трубочку.

Ставлю бокал на полированную стойку как раз вовремя.

— Вот же тварь, — доносится до меня уже русская речь, хотя голос явно того же мужчины. Сильные пальцы сжимают мое плечо. — Ты должна знать свое место!

Меня разворачивают. Вижу вытянутое лицо. Тонкие, поджатые губы, глаза-бусины, длинный с горбинкой нос и большой лоб, делают мужчину похожим на коршуна. Он натянул на себя серый помятый костюм, а в дополнение к нему еще

и болотного цвета шейный платок добавил.

Веду плечом, пытаясь сбросить руку мужчины, но он крепко вцепился в меня. Вздыхаю. Только разборок мне сейчас не хватает.

— Что вам нужно? — говорю тоже по-русски и пытаюсь отодвинуться, как можно дальше.

Но круглый барный стол предлагает мне всего один выход: попой на пол. Потому я решаю сделать ход конем. Спрыгиваю со стула, оказываясь лицом к лицу с пьяным коршуном. Хорошо, что я надела белое платье в пол, иначе точно предоставила придурку и остальным в баре вид на свои ноги. И, возможно, кому-то задницу показала. Зато волосы не додумалась убрать, поэтому светлые пряди падают мне на лицо и щекочут нос, мешая.

— О! Русская, — он пошатывается и вместо того, чтобы отпустить меня, сильнее впивается пальцами, которые больше напоминают когти, мне в плечо. — Так и думал, что эскортница. Иди за мной, — он тянет меня к столику у стены напротив барной стойки.

Его отделяет только проход, и я, заглядывая за спину пьяного коршуна, замечаю еще двоих мужчин, внешне очень похожих на этого.

— Отпустите меня, пожалуйста, — стараюсь говорить вежливо, не привлекая внимания, но все равно ловлю несколько любопытных взглядов: парочку женских из-за столика рядом с тем, куда меня продолжают тянуть меня кор-

шун, и один мужской. Почему-то задерживаюсь на нем. Мужчина хоть находится в тени, только свет горящей на столе небольшой лампы отражается на его лице, но я все равно замечаю нереальные голубые глаза. Они такие яркие, что я на мгновение забываю о своем неудобстве, но все-таки вспоминаю о нем, когда ощущаю боль, разносящуюся по телу.

Стискиваю губы, заглядываю в помутневшие от алкоголя глаза, и стараюсь говорить хоть тихо, но четко:

— Отпустите по-хорошему. Если вам не нужны проблемы.

Я не вру и не лукавлю. Если шейх узнает о случившемся в баре, никому не поздоровится. Мне в том числе. Я не должна уходить без охраны. Но мне так надоело постоянно находиться под наблюдением, что, в итоге, я не выдержала: пришла к Лизе и взмолилась о помощи, которую, естественно, получила. Из дворца мне бы никак не удалось выбраться, зато уборная ресторана, куда мы поехали пообедать, стала отличным отвлечением. Поэтому, если шейх узнает, за побег достанется не только мне и пьяному коршуну, но и моей бедной подруге.

Вот только мое предупреждение явно не было услышано, судя по смешку.

— И что, ты или твой сутенер мне сделаете? Ты хоть знаешь, кто я? — меня обдает тошнотворным запахом перегара, когда он выплевывает эти слова мне в лицо. Приходится сдержать рвотный порыв. Хотя, должна признать, если бы

меня вырвало на лакированные туфли, скорее всего, это было бы отличный способ избавиться от этого навязчивого придурка.

Но тошнота, кажется, проходит, и мне приходится лихорадочно искать другой способ отвадить коршуна.

— Девушка попросила ее отпустить, — голос с мягкой хрипотцой раздается надо мной и проносится стайкой мурашек по позвоночнику.

Невольно вскидываю голову и встречаюсь с теми самыми ярко-голубыми глазами, в которых чуть не потерялась минутой ранее. Мужчина подмигивает, чем выбивает воздух из легких, затем разворачивается и оттесняет плечом коршуна. Последнему приходится сделать шаг назад, чтобы устоять. Пошатываясь, он окидывает моего возможного спасителя пренебрежительным взглядом.

— А ты кто? — он икает, но пальцы все-таки с моего плеча убирает. — Ебарь ее? — засовывает руки в карманы брюк.

Коршун еле стоит на ногах, но при этом смотрит на мужчину, который пришел мне на помощь, как на дерьмо. Что, как минимум, странно, ведь мой спаситель, его имени я пока не знаю, выше пьяного идиота на голову. Возможно, пришедший мне на помощь мужчина не вызывает у коршуна инстинкт самосохранения из-за простой белой футболки и джинсов. Но, если честно, я предпочитаю такую одежду, чем претенциозный внешний вид, за которым ничего не скрывается: ни тела нормального, ни мозгов. Зато внушительная

мускулатура на руках моего спасителя, отлично видна. Он явно является постоянным клиентом какого-нибудь спортивного центра. И коршун не может этого не заметить. Скорее всего, он просто идиот, раз пытается хорохорится перед моим спасителем.

— Вернитесь за свой столик, — подошедший мужчина говорит вежливо, но в его голосе слышится скрытое предупреждение.

Жаль, что коршун, кажется, последние мозги отпил, потому что не замечает возможной опасности.

— Или что? — он наступает на моего спасителя.

Только последний тоже не промах, он просто делает шаг в сторону, как раз в тот момент, когда коршун максимально приближается к нему. Не ожидавший такого подвоха, придурок летит носом в барную стойку, со скрежетом раздвигая стулья своим телом, и с размаху врезается в нее. Едва успевает схватиться за стойку. Ему требуется время, чтобы подняться на ноги.

— Ах, ты козел, — цедит коршун сквозь стиснутые челюсти, разворачиваясь.

Фокусируется на моем спасители и заносит руку, сжатую в кулак. Либо у меня реакция замедленная, либо спаситель действует слишком быстро, но я даже не успеваю ничего осознать, как слышу крик боли. И принадлежит он явно не мужчине с самыми голубыми глазами, которые я только видела. Нет, он стоит за спиной у коршуна, заломов тому руку и за-

ставив его согнуться почти пополам.

— Ваш друг? — говорит мой спаситель громко, смотря на столик с ржущими, как кабаны, мужиками. Зато, когда они слышат грозный голос, сразу замолкают и кивают. — Забирайте, — спаситель сильнее поднимает руку коршуна верх. Тот кричит, при этом наклоняясь вперед, чтобы ослабить боль.

Мужики начинают подниматься со столика и один за другим то пошатываются, то спотыкаются. Последний вообще за свою собственную ногу зацепился. Спаситель толкает к ним дружка и сбивает тем самым «кегли», которые только-только обрели равновесие. Двое заваливаются на пол, а последний успевает ухватиться за столешницу.

Спасителю бы в боулинг играть.

Именно этот момент выбирает охрана заведения, чтобы появиться и увести пьяных дебоширов. Администратор — низкорослый мужчина в костюме, с бородкой и покрытой головой — тоже прискакивает, принося все возможные извинения за неудобство. Даже напитки за счет заведения предлагает. Я сначала отказываюсь, но после того, как понимаю, что он не отстанет, устало киваю. Администратор тут же скрывается, оставляя меня со спасителем и другими наблюдателями

Перед нами на барной стойке появляются напитки: безалкогольный мохито и вода с газом. Первый, явно, для меня. А второй?

Мои брови ползут вверх. Я смотрю на своего теперь уже не возможного, а настоящего спасителя снизу вверх. Он с интересом наблюдает за мной. У меня складывается впечатление, что никто другой его в этом баре не интересует. Каждое мое движение не остается им незамеченным. Завожу волосы за ухо, он следит. Чуть отодвигаюсь, он наклоняется вперед. Вздыхаю, он хмурится. Я впервые в жизни настолько интересна кому-то, что наблюдатель почти не моргает. Сердце начинает быстро биться в груди.

— Меня Вадим зовут, — спаситель протягивает мне руку, которую я тут же пожимаю. Чувствуя не только ее силу, но и грубую кожу, подтверждая свою теорию о тренажерном зале.

— Таня, — уголки губ сами ползут вверх, и я вижу ответную улыбку… с ямочками.

Ямочками, черт их побери! Такими же, как у него. Пальцы холодеют, и я делаю шаг назад. О нет, слишком мало времени прошло. Я не хочу потерять себя. Только не снова.

Глава 2

Как я могла вместо того, чтобы уйти, сесть за барную стойку и принять безалкогольный мохито, который бармен подвинул ко мне? Я, явно, тоже потеряла где-то инстинкт самосохранения, раз уже полчаса сижу и смотрю в эти ярко-голубые глаза, слушая очередную байку, слетающую с губ их владельца. Я даже толком не понимаю, о чем он говорит. Смогла лишь уловить, что Вадим — бывший военный, который постоянно влипает в истории и сам часто бывает их зачинщиком. Чего только стоит пластиковый скорпион, которого он засунул в нижнее белье друга, находясь в пустыне?

Вадим кажется милым. Вот только так сильно напоминает мне другого мужчину, мысли о котором я настойчиво пытаюсь выкинуть из головы. Не только ямочками на щеках, но и беззаботностью. А еще непонятно откуда взявшейся аурой власти. Как бы Вадим не пытался играть роль «соседского парня», от меня не ускользает то и дело осматривающий бар взгляд. А также сообщения, приходящие на его телефон. Вадим каждый раз только мельком смотрит на экран, после чего поджимает губы, после чего нажимает на кнопку блокировки.

— А ты чем занимаешься? — он отпивает немного воды из своего стакана.

Я до сих пор в шоке, что там не водка какая-нибудь. Да-

же спросила Вадима об этом, он хрипло рассмеялся, запрокинув голову, и предложил мне понюхать. Ну-у-у, я согласилась. И попробовала, на всякий случай. Потом минут пять не могла избавиться от жара, разносящегося по щекам. И он только возрастал под пристальным взглядом Вадима.

— Переводчик, — мешаю трубочкой остатки коктейля.

— М-м-м, — Вадим щурится. — Арабские языки?

— Ага, — обхватываю трубочку губами и тяну в себя жидкость, которая осталась на дне.

Это больше талая вода, чем сладковато-мятный напиток, но по крайней мере помогает отвлечься. Краем глаза замечаю, что Вадим пододвигается ко мне.

— Знаешь, мне всегда нравились девушки, которые умеют пользоваться языком, — томный голос с хрипотцой раздается у меня над ухом.

Мохито застревает где-то в горле, и я задыхаюсь. Кашляю, пытаюсь прочистить горло. Чувствую легкие похлопывания по спине. Мне нужно немного времени, чтобы прийти в себе. Я осуждающе смотрю на Вадима. Он ловит мой взгляд. Удерживает его в своем плену. Все раздражение мигом сходит на нет. Заменяется напряжением. Да таким, что, кажется, искры вот-вот между нами начнут летать.

Но оно тут же исчезает, когда Вадим задорно улыбается, совсем как мальчишка. Демонстрирует во всей красе свои ямочки.

— Я пошутил, — он встает со стула и протягивает мне

руку. — Потанцуй со мной.

Оглядываюсь. Замечаю несколько человек за разными столиками и пустой коридор.

— Никто не танцует, — тут же прикусываю язык, когда вижу напряженный взгляд Вадима, приправленный той самой улыбкой.

— Давай будем первыми, — он бросает взгляд мне за спину, кивает и… музыка становится громче.

Хочу посмотреть на предателя, подозреваю, что это бармен, но не успеваю. Вадим сам хватает меня за руку. Вздрагиваю. От его прикосновения ток проносится по телу. Пальцами так сильно сжимают мою ладонь, что у меня нет ни шанса ему противостоять. Поэтому сползаю со стула и вслед за ним иду к небольшому проему в проходе, откуда, явно, не так давно убрали пару столиков.

Стараюсь не оглядываться. Боюсь увидеть хоть один осуждающий или любопытный взгляд. Не хотела привлекать лишнее внимание называется…

Вадим резко останавливается и поворачивается ко мне. Не успеваю даже пискнуть, как оказываюсь прижата к сильному телу. Мускусный, немного сладковатый, но при этом мужской аромат окутывает меня. Заглядываю в его глаза и замираю. Да, как так? Как ему удается лишить меня дара речи всего одним пристальным с прищером взглядом?

Он не разрывает зрительного контакта. Скользит ладонями по моей талии. Притягивает к себе. Обнимает. Долго

смотрит мне в глаза. Кажется, вечность. И только после этого делает первый шаг. Я спотыкаюсь и обхватываю его за шею. Но даже если бы не сделала этого, не распласталась бы на полу — Вадим держит крепко. Не отпускает, когда делает шаг, еще один. Следую за ним. Музыка, наконец, проникает в мое сознание, и я понимаю, что мы двигаемся ей в такт. Вадим ведет идеально, попадает в каждую ноту. При этом зарывается носом в мои волосы, ладонями скользит по спине. А я позволяю. Даю ему возможность управлять своим телом. И похоже, не только. Разум тоже всецело принадлежит ему. Остро ощущаю каждое прикосновение. Биение его сердца, четкое, мощное, чуть ускоренное. Горячую кожу, когда он невесомо касается ворота моего платья под волосами.

Дыхание учащается. И не только мое.

Бедро Вадима касается моего.

Ладонь вжимает меня в его тело.

Горячее дыхание развивает волосы на макушке.

Горло пересыхает. Тяжело сглатываю. Музыку больше не слышу. Лишь шум в ушах вторит сердцебиению. Такому быстрому, что даже кружится голова. А может во всем виноват Вадим? Все мысли вылетают из головы. Я могу думать только о сильных и одновременно нежных прикосновениях. О четких движениях, за которыми так и хочется следовать. О запахе, который окутывает, стирая все, хоть и на несколько мгновений. Впервые у меня появляется желание отдаться кому-нибудь в руки. Положится на кого-то. Это пугает так

сильно, что сердце начинает биться чаще. Но внутри появляется что-то еще. Что-то заставляющее меня положить голову на мужское плечо и впервые за много лет расслабиться. Позволяю себе быть слабой рядом с мужчиной. Даже если это всего на несколько минут.

Вадим резко отстраняется. Не сразу понимаю, что музыка уже сменилась. Он хватает меня за руку. Куда-то тащит. Следую за ним. Все еще нахожусь в прострации, когда он затягивает меня в темный коридор и прижимает к стене. Он обрушивает на меня свои губ. Горячий язык проникает в мой рот. Его вкус немного соленый, смешивается с мятным привкусом, который остался у меня на губах. Не знаю почему, но позволяю ему углубить поцелуй. Даже сама зарываюсь руками в его волосы. Вадим усиливает напор. Языком раз за разом врывается в мой рот. Кусает нижнюю губу. Посасывает язык. Делает со мной все, что пожелает. И мне это нравится! Нравится, черт побери! Задыхаюсь в его объятьях и сильнее притягиваю к себе. Чувствую каждую стальную мышцу на идеальном теле. А еще… его член. Твердый. Вжимающийся в мой живот.

«Маленькая шлюшка. Тебе ведь нравится, да?», — мужской голос, наполненный отвращением и скрежетом, врывается в разум.

Распахиваю глаза. Замираю. Не дышу.

Вадим отстраняется. Заглядывает мне в глаза и, кажется, видит насквозь. Щеки начинают гореть. Кусаю воспаленную

губу, в которую недавно впивались его зубы.

Это всего лишь воспоминания. Всего лишь воспоминания…

— П-прости, — отталкиваю Вадима. — Мне нужно в уборную, — улыбаюсь, надеюсь, что выходит искренне.

Он хмурится. Надавливаю на его плечи. Вадим поддается. Делает шаг назад, но пристального взгляда от меня не отводит. Отстраняюсь от стены. Ноги еле держат. Хорошо, что не надела каблуки. Дрожащими пальцами заправляю несколько прядей за ухо и опускаю взгляд в пол.

— Скоро вернусь, — бросаю Вадиму и разворачиваюсь в сторону бара.

— Таня, — слышу его хриплый голос, останавливаюсь. — Туалет в другой стороне.

Вдох. Выход. Нет. Нет. Нет. Я не могу.

Срываюсь с места и бегу. Бегу прямо к выходу. Слышу, как он зовет меня. Не останавливаюсь. На посетителей бара тоже не обращаю внимания. Вылетаю на улицу. Оказываюсь в темноте, освещаемой множеством фонарей. Среди людей, которые никуда не спешат. Теплый воздух окутывает тело, но я все равно чувствую озноб. Он не покидает меня вместе со злыми слова, которые все прокручиваются и прокручиваются в голове.

Оглядываюсь. Куда бежать?

Такси тормозит у входа в бар, и из него выбирается парочка. Иностранцы. Подвыпившие. Смеющиеся. В вечерних

нарядах. Они уже хотят захлопнуть заднюю дверцу, когда я хватаюсь за нее.

— Простите, — бросаю я и забираюсь внутрь. — Дворец шейха Раджана, — ловлю расширяющийся взгляд водителя в зеркале заднего вида. — Быстрее.

Водитель кивает. Заводит двигатель, отъезжая как раз вовремя. Я оборачиваюсь. Вижу фигуру мужчины, быстро выходящего из бара. Он ловит мой взгляд, и осуждающе смотрит меня.

Это взгляд хорошо мне знаком. Даже слишком. Рана, которая еще незатянулась, вновь открывается. Я тру в районе груди, чувствуя, как боль возвращается. Но до последнего не отвожу взгляда от самых ярких голубых глаз, которые я видела в жизни.

Такси сворачивает за угол. Я теряю зрительный контакт. Откидываюсь на сиденье и надеюсь, что мы больше никогда не встретимся.

Глава 3

— Где ты была? — Лиза заходит ко мне в комнату и снимает «платок». Ее светлые волосы рассыпаются по плечам, прежде чем она прыгает на заправленную бордовым покрывалом кровать. — Меня начальник охраны чуть не разорвал, когда ему доложили, что ты пропала.

— Ничего бы он тебе не сделал, — снимаю платье, которое пропахло мои спасителем, и запихиваю его в огромный деревянный шкаф в углу комнаты, стараясь избавиться от мыслей о тех самых голубых глазах и чертовых ямочках. Переодеваюсь в леггинсы и безразмерную футболку, завязываю волосы в небрежный пучок и захлопываю ногой дверцу шкафа. Она ударяется гораздо сильнее, чем планировалось, из-за чего я ловлю на себе удивленный с приподнятой бровью взгляд Лизы.

— Не сделал бы, — она кладет голову на ладонь, упираясь локтем в кровать. — Но смотрел на меня так, будто бы я, по меньшей мере, мужа предала.

Мигом напрягаюсь, замирая посреди комнаты.

— Абду знает? — бросаю на Лизу настороженный взгляд, ее спокойствие сразу же передается мне, поэтому выдыхаю.

Задергиваю бордовые тяжелые шторы и подхожу к своему письменному столу, где я оставила материалы для завтрашнего перевода. Множество бумаг, терминологические слова-

ри, переводческие записки, несколько ручек лежат в разнобой на столе. Так может показаться человеку со стороны, но я точно знаю, где мне найти ту или иную информацию, какую бумажку вытащить, когда мне что-нибудь понадобится.

— Скорее всего, знает, — Лиза откидывается на кровать. Юбка длинного бежевого платья скручивается вокруг ее тела. Она вздыхает прежде, чем приподняться, расправить ее и снова лечь.

— И что будет? — ножки стула скрипят по паркету, когда я отодвигаю его. Сжимаю мягкую бордовую обивку, боясь услышать ответ.

— Ничего. Я с ним поговорю. Он должен понять, что запереть тебя в четырех стенах, как меня, у него не получится, — горечь отчетливо слышится в голосе Лизы. — А начальника охраны вообще менять пора.

Я отцепляю пальцы от стула и иду к кровати. Работа может подождать, Лиза — нет. Забираюсь на кровать. Ложусь рядом с подругой. Белоснежный потолок с золотым витиеватым рисунком такой же, как и на стенах. Каждый раз, просыпаясь среди ночи, из-за очередного кошмара, наблюдаю за разной ширины петляющими линиями и успокаиваюсь. Вот и сейчас прослеживая взглядом рисунок, становится легче, даже с учетом сложного разговора.

— Ты же сама согласилась выйти за него, — нахожу руку Лизы и сжимаю ее.

Она перехватывает и переплетает их.

— Знаю, и не жалею об этом. Я люблю Абду, — Лиза ненадолго замолкает. — Просто я очень устала от всех этих ограничений. Ты на платок глянь, — она наощупь находит его и трясет перед нашими лицами. — Почему в должна носить его даже дома?

— Во-первых, это шале, — я вырываю невесомую ткань из ее пальцев и откидываю в сторону. — Во-вторых, такие правила. Цена за любовь, так сказать.

— Иногда мне кажется, что моя свобода — слишком высокая цена, — Лиза говорит это так тихо, будто не верит, что произносит вслух.

Я резко сажусь, подтягивая под себя ноги. Но руку Лизы не отпускаю.

— Эй? — я вглядываюсь в лицо подруги. Она лежит с закрытыми глазами и дышит через раз. — Ты хочешь развестись?

— Нет! — она распахивает глаза и тоже садится. Забирает свои пальцы. Трет лицо. — Нет, конечно. Просто не могу привыкнуть ко всем этим правилам, — подруга рисует воздушные кавычки. — Иногда мне кажется, что я живу не своей жизнью.

Не успеваю ничего сказать, как Лиза спускается с кровати и идет к письменному столу. Когда-то это была ее жизнь тоже. Мы вместе учились в лингвистическом университете. Были не разлей вода. А потом случилась стажировка в Дубае. На ней Лиза встретила своего арабского принца. Потом

попала в заварушку. И, конечно, влюбилась по уши. А я… я приехала к подруге только когда поняла, что мне нужен глоток свободы. Той самой, которой сейчас не хватает Лизе.

Перед глазами встает образ мужчины из бара с голубыми глазами. На мгновение прикрываю глаза, чтобы выбросить его из мыслей. Нет. Сейчас он совсем не кстати.

Лиза поднимает блокнот с переводческими записями. Опирается бедром на стол и проходится подушечкой указательного пальцы по моему витиеватому немного размашистому почерку. Хоть перевод никогда не был делом, которым Лиза хотела заниматься всю жизнь, но я-то знаю, что ей нравилось присутствовать на переговорах, синхронить, просто переводить тексты . Она чувствовала себя востребованной. А что сейчас? После встречи с Абду жизнь Лизы слишком сильно поменялась. Ей нужна новая цель, иначе, боюсь ее взгляд, в итоге, погаснет полностью.

— Не хочешь вина? — желание возникает само собой.

Нам обеим нужно расслабиться. И сейчас на ум приходит лишь один способ это сделать.

Лиза поднимает на меня взгляд, улыбка медленно расплывается на ее лице.

— А давай, — она кладет блокнот обратно. — Только Абду не говори.

— Не скажу, — протягиваю руку, поднимаясь с кровати. — Пошли.

Лиза быстро пересекает спальню. Обхватывает мою ла-

донь. И мы идем по длинным белоснежным коридором к лестнице, которая мне каждый раз напоминает пружину — такая же закрученная.

— Ты же понимаешь, что он все равно узнает? — говорю я, когда мы преодолеваем ступеньку за ступенькой, чтобы попасть на кухню, где помимо погребов хранится небольшой запас дорогих вин для важных гостей. — И нам влетит.

Я прикусываю губу, чтобы не захихикать, пока мы обе быстро спускаемся по лестнице на первый этаж.

— Знаю, — Лиза тяжело вздыхает. — Плевать! — она крепче сжимает мои пальцы.

Кухня находится прямо рядом с лестницей. Она отличается от остального белоснежного, иногда даже кажется, что стерильного дворца с огромным количеством окон. Большое пространство кухни полностью отделано натуральным деревом. Многоженство лакированных шкафчиков занимают почти все свободное место. Они висят на стенах, стоят на полу и даже в углу их друг на друге расположили. Хотя это, скорее, такой комод с несколькими отделениями. В первый раз я не сразу заметила плиту, духовку и холодильник. Их тоже отделали деревом и встроили рядом со шкафчиками, что все слились воедино. Раковина и варочная сенсорная панель — единственное, что нельзя скрыть. Сейчас на последней кто-то оставил турку с недавно сваренным кофе. Терпкий аромат наполнил комнату, а на огромном, конечно же, деревянном столе, который установили посреди кухни, замечаю две

неубранные фарфоровой чашки.

Лиза замирает в двери. Я вместе с ней. Взгляд подруги тоже задерживается на чашках, она хмурится. Некоторое время мы стоим на месте, после чего Лиза оглядывается, пожимает плечами и идет к бару, скрытому между шкафчиками с сыпучими продуктами. Открывает дверцу, достает бутылку вина, вынимает из выдвижного ящика штопор, после чего протягивает все мне.

— Вспомнишь прошлое? — она усмехается.

Я вздрагиваю.

Отголоски гудящей в пятках боли проносятся по ногам. Боже, работа официанткой — это настоящий ад. Зато неплохой способ подзаработать в студенчестве. Еще можно, познакомиться с интересными людьми, если ты, конечно, общительная улыбчивая девочка. Вот только эти знакомства иногда приводят чуть ли не к рабству…

Трясу головой в попытке избавиться от навязчивых, проносящихся по телу холодом воспоминаний, и иду к Лизе. Забираю у нее бутылку, ставлю на стол, почле чего откупориваю ее за считанные секунды. Лиза открывает рот, скорее всего, в попытке пошутить, но, получив от меня предупреждающий взгляд, захлопывает его. Разворачивается к шкафчикам. Распахивает дверцу нужного, до сих пор не понимаю, как она ориентируется в этом однообразии, и достает два бокала.

Несет их ко мне, оставляет рядом с бутылкой и забирает

чашки, перекладывая их в раковину. А мне ничего не остается как разлить красный ароматный напиток по бокалам.

Не успевает Лиза вернуться, как я делаю глоток. Что, конечно же, от подруги не скрывается. Она останавливает у стола, не притрагиваясь к своему бокалу, пристально, словно видит насквозь, смотрит на меня.

— Что случилось? — она задает этот вопрос, а у меня начинает дрожать рука.

Ставлю бокал на стол, но ножку не отпускаю. Мы никогда не говорили с Лизой, почему я так резко сорвалась к ней в Дубай. Она знала, что мне нужно время. Ждала, что я сама откроюсь. И, похоже, не дождалась. Я долго молчу, Лиза меня опережает.

— Антон? Я права? Из-за него ты последние несколько недель сама не своя? — она берет второй бокал, но не поднимает его. Опускает взгляд на красную жидкость. Немного крутит бокал. Я наблюдаю, как стекло окрашивается в цвет крови, прежде чем подтеки стекают обратно. — Он звонил мне недавно, — произносит тихо, но я слышу.

— З-звонил? — прикусываю язык и шиплю от боли. По телу проносится дрожь. Резко становится холодно. Хочется бежать. Но остаюсь на месте и глаз от Лизы не отвожу. Лучше видеть подругу, чем окунуться в воспоминания, которые сами начинают прорываться через стену, установленную между ними и моим разумом. Только благодаря ей я все еще могу нормально соображать.

— Да, — Лиза поднимает бокал. — Я всего минуту с ним поговорила. Этого хватило, чтобы понять — он вообще не в адеквате.

Рука дергается, и мой бокал опрокидывается. Вино разливается по деревянной поверхности. Стекает на пол. Я не двигаюсь. Смотрю прямо на подругу. Ничего не говорю. Лиза тоже молчит. У меня, кажется, язык онемел. Тишину разрывает только звук капель, ударяющихся о кафель. Впиваюсь ногтями в ладони.

— К-как… что… — мысли скачут. Не могу толком сформулировать вопрос. Глаза жжет почти также сильно, как и в грудь. Паника маневрирует где-то на краю сознания. Чтобы освободить ей путь, нужно всего лишь одно неосторожное слово, поэтому закусываю губу.

— Я ему ничего не сказала, — Лиза накрывает мою руку, которая все еще лежит на столе. — Но мне нужно знать, что произошло.

Стискиваю челюсти. Машу головой изо всех сил.

— Таня… — голос Лизы мягкий, но настойчивой.

Я делаю шаг назад. Забираю руку из мягкой хватки.

— Не проси меня об этом, — слезы почти прорываются наружу. Мне приходится сделать глубокий вдох, чтобы сдержать их.

Лиза внимательно смотрит на меня. Так, будто пытается решить: сделать последний шаг и толкнуть меня в бездну или отступить, но остаться без желанных ответов.

Мы долго смотрим друг другу в глаза, прежде чем Лиза вздыхает и подносит бокал к губам. Я выдыхаю. Но ненадолго.

— Татьяна? Элизабет? — голос Абду звенит в комнате, и я невольно вздрагиваю.

Лиза замирает с бокалом у губ. Смотрит мне за спину. Мгновение ничего не происходит. А я боюсь даже вдох сделать. Уже через секунду Лиза ставит бокал обратно на стол, не выпив даже глотка, а я снова слышу голос ее мужа: — Девушки, раз вы обе здесь, позвольте вам представить человека, который, возможно, в скором времени будет заниматься вашей безопасностью.

Медленно. Очень медленно разворачиваюсь. Сначала, вижу, Абду, который стоит в проходе в своей белой рубашке, как называет кандуру Лиза, и с покрытой головой. На лице нет улыбки, что странно, ведь он смотрит на Лизу. Абду ничего не говорит, делает шаг в сторону, а я встречаюсь с теми самыми голубыми глазами, принадлежащие человеку, от которого я сбежала.

Глава 4

Надо отдать должное Вадиму — он выглядит удивленным. Его брови ползут вверх, а глаза расширяются. Но всего на мгновение, в следующее — он уже с прищуром смотрит на меня. На его лице растягивается улыбка, открывая потрясающий вид на чертовы ямочки.

Вадим складывает руки на груди. Я делаю шаг назад. Врезаюсь бедрами в стол и чувствую влагу. Вино притопывает мои леггинсы. Игнорирую неудобство. Взгляда от голубых глаз не отвожу.

«Беги, беги, беги», — пульсирует в голове. Но я стою на месте. Даже шага сделать не могу. Ладони потеют, сердце сжимается в груди. Голос Абду доносится до моего сознания словно из-за стекла. Но все же обрывочные фразы, произнесенные на английском, оседают в пытающемся справиться с паникой мозге.

… контракт…

… охранное агентство…

… займется проверкой безопасности…

Моргаю. Раз. Два. Делаю глубокий вдох и перевожу взгляд на Абду. Его голос становится более четким. Теперь я могу различить голос шейха и то, что он обращается ко мне.

— Вадим завтра сопроводит тебя на переговоры с партнерами по транспортировке нефти. В последнее время мне по-

ступает много угроз. Не хочу, чтобы кто-то попытался, навредив тебе, подобраться ко мне или моей жене.

Абду бросает взгляд через мое плечо. И я тут же жмурюсь, понимая, что мы с Лизой пойманы с поличным.

— Шейх Раджан, я всего лишь переводчик, — перехожу на арабский. Это, конечно, не совсем прилично, ведь в комнате есть человек, который, скорее всего, не знает языка, но я не хочу, чтобы посторонние поняли наш разговор. — Мне не обязательно жить во дворце. Я давно предлагала арендовать квартиру и переех…

Шейх не дает мне закончить, поднимая руку. Делает шаг вперед и пристально смотрит мне в глаза.

— Во-первых, называй меня Абду. Сколько тебя просить? — говорит строго … по-английски. — Во-вторых, мы не будем снова обсуждать эту тему. Ты — подруга моей жены, а во дворце достаточно места.

— Но… — осекаюсь, когда вижу суровый взгляд Абду.

Опускаю плечи, сдуваясь. Я хоть не очень хорошо знакома с мужем Лизы, но кое-что все-таки для себя уяснила — если он что-то решил, спорить с ним бесполезно. Опираюсь на стол и чувствую, как вино еще сильнее пропитывает хлопковую ткань. Но не отхожу. Мокрые штаны — последнее, что меня волнует. Особенно, когда факты, наконец-то, начинают сопоставляться у меня в голове. Что там Лиза говорила о начальнике охраны? Возможно, он сменится? Значит…

Перевожу взгляд на Вадима. Он прислонился к стене и ис-

подлобья наблюдает за мной. Кажется, что ни одно мое движение, ни одна эмоция, не скрывается от его пристального взгляда. На нем все те же джинсы и белая футболка, что и в баре. А я выгляжу, мягко говоря, не сильно презентабельно.

Сдерживаю порыв ударить себя ладонью по лбу и обращаюсь к Абду:

— Уже поздно. Могу я вас покинуть?

Он не обращает на меня внимания, полностью сосредоточившись на Лизе. Кажется, от серьезного разговора с женой или еще чего-то, о чем я не хочу даже думать, останавливаем его только я с Вадимом.

Но все-таки Абду спустя время кивает, все также не глядя на меня.

Я тут же отталкиваюсь от стола и, не глядя на подругу, иду к выходу. На Вадима, который стоит у самого прохода стараюсь тоже не смотреть. Задерживаюсь только для того, чтобы пожелать всем спокойной ночи. И вылетаю из кухни настолько быстро, насколько могу.

В голове шумит, мои собственные шаги отдаются в ушах, но все равно мне удается уловить «Простите, я на минуту», сказанное на английском языке. Ускоряю шаг. Тяжело дышу. Сердце заходится в груди.

Ставлю ногу на первую ступеньку и… она подворачивается. Шиплю от боли. Хватаюсь за перила обеими руками, и только благодаря этому могу устоять. Небольшой заминки хватает, чтобы Вадим догнал меня, потому что в следующее

мгновение я чувствую сильные руки у себя на талии.

— Ты в порядке, маленькая беглянка? — жаркий шепот, приправленный смешинкой, согревает мое ухо.

Еще крепче сжимаю перила и замираю, но всего на секунду. Что там говорят: лучшая защита — нападение?

Быстро разворачиваюсь и чувствую, как большие ладони скользят по талии.

— Ты преследуешь меня? — впиваюсь взглядом в те самые глаза, которые не дают мне покоя с момента нашей встречи.

— Не поверишь, — Вадим сокращает расстояние между нами, прижимая меня к перилам, — это чистая случайность. Не то, чтобы я тебя не нашел позже, — уголок его губ поднимается в коварной ухмылке. — Но, похоже, даже стараться не придется. Судьба мне благоволит.

Как бы его глаза меня не притягивали, а мускусный аромат не туманил разум, остатки здравомыслия выходят на первый план и подпитываются яростью, растущей в груди, из-за его слишком явной самоуверенности.

— Если девушка сбежала, значит ей не интересен мужчина, от которого она сбежала. Не думал об этом? — приподнимаю бровь. Кладу руки на крепкую грудь, отчего зарабатываю широкую ухмылку.

— Честно? Даже мысли такой не было, — Вадим понижает голос до хриплого шепота, отчего волоски поднимаются дыбом у меня на руках. — Я подумал, что беглянка просто

хочет, чтобы ее поймали.

Он проводит носом по моей щеке. Мне приходится призвать все свое здравомыслие, чтобы не поддаться на ничем не прикрытую провокацию. Колени и без того подгибаются, а дыхание учащается. Не хватает только стона, чтобы Вадим убедился в своей правоте своей.

— Знаешь? — шепчу в ответ. — Я бы лучше век тебя не видела, — толкаю его в грудь.

Вадим, не ожидающий подвоха, пошатывается, но меня не отпускает. Только крепче обнимает, сильнее вжимая мое тело в свое. Утыкаюсь носом ему в грудь, невольно вдыхая его аромат. Мне приходится прикусить губу и задержать дыхание, чтобы не застонать в голос. Твою мать, да что в нем такого? Обычно мне не сносит крышу при виде сексуального мужика.

— Я слышу ложь в каждом твоем слове, — он впивается пальцами мне в спину. Я отчетливо улавливаю биение его сердце. Такое же быстрое, как и мое. — Я — ходячий детектор лжи, поэтому никогда не ври мне.

Направление, куда он может идти со своими указаниями, уже вертится на кончике языка. Но я прикусываю его, когда Вадим ладонью скользит по моей спине все ниже и ниже. Прикасается к попе, скользит по бедрам, сжимает. Замирает. Молчит всего мгновение, а потом открывает рот и…

— Это из-за меня ты так намокла?

Глава 5

Уже три часа ночи, а я не могу сомкнуть глаз. У меня в голове звенит заливистый хриплый смех Вадима, который преследовал меня во время всего подъема по лестнице.

Мне все-таки удалось высвободиться из его рук. Но только после угрозы закричать. И то не сразу. Вадима еще убеждать пришлось, что я серьезно. Ведь после первого предупреждения вместо убранных рук я получила хриплое «Еще как будешь».

Ну что за придурок?

Рычу, взбиваю подушку и поворачиваюсь на другой бок. Завтра… уже сегодня важные переговоры, а я думаю об одном самовлюбленным, не следящим за языком… красавце. Его смеющиеся глаза засели у меня в голове. И стоит хоть немного провалиться в дрему, как снова слышу его дурацкий смех.

Под утро мне все-таки удается уснуть, а, когда звонит будильник, я чувствую себя сонной мухой. Отбросив одеяло, выбираюсь из кровати и принимаю холодный душ, чтобы хоть как-то взбодриться. Зубы стучат, когда я укутываюсь в пушистый белоснежный халат. Зато спать больше не хочется, в с лица исчезла помятость. Остались только синяки под глазами, которые я с легкостью скрываю консилером. Обычно я им не пользуюсь, но сегодня особый случай.

Надеваю бежевые расклешенные брюки, пуговицы на белой шелковой блузке с рукавом застегиваю до самого ворота, волосы забираю в тугой пучок. Мне не нужно носить шале, но я накидываю его на голову. Хоть переговоры планируются с русскими, арабская сторона тоже будет присутствовать. И даже то, что Абду не имеет ничего против моей неприкрытой головы на работе, я все равно решаю не ставить под сомнение его авторитет.

Собираю бумаги в черную сумку, туда же кладу планшет, куда загрузила файл с подготовленным терминологическим словарем. Просто на всякий случай. Это мой обычный ритуал перед важными встречами, где я выступаю переводчиком. Хотя, нужно признать, словарь еще ни разу мне не понадобился.

Ровно в девять спускаюсь на первый этаж и замираю на той же ступени, на которой меня вчера зажал Вадим. Сердце заходится в груди. Замечаю напряженную спину мужчины, обтянутую черной тканью пиджака. Волосы становятся гуще от затылка к макушке. А потом я слышу его тихий хриплый голос…

Вадим, я его узнала с первого взгляда, что-то объясняет другому охраннику: лысому с темными глазами, которые он сразу же переводит на меня. Плечи Вадима распрямляются, и он оборачивается. Вот только вместо вполне ожидаемой похабной ухмылки, я вижу поджатые губы и серьезные глаза. Вадим взглядом проходится по мне с ног до головы. Задер-

живается на лице и кивает.

— Татьяна Станиславовна, доброе утро. Я буду сопровождать вас на переговорах. Прошу проследовать к машине, — он указывает на дверь.

Я чуть не падаю с лестницы от шока. Но у меня все-таки хватает самообладания, чтобы взять себя в руки и сделать последний шаг. Паркет под ногами дает чуть больше уверенности. На нем гораздо меньше шансов свернуть шею, особенно учитывая, что я надела туфли на каблуках.

— Доброе утро, — я тоже хотела сохранить профессионализм, но голос меня подводит, и я пищу.

Прочищаю горло и краем глаза замечаю, как уголок губ Вадима дергается. Да он надо мной издевается! Стискиваю челюсти и с гордо поднятой головой иду к двери. Стоит выйти наружу, сразу же хочется вернуться в дом. Меня обдает жаром, и единственная мысль, которая приходит в голове — о пляже. Хочется снять обувь, прогуляться по мягкому песку и окунуться в теплую воду. Но это желание несбыточное, по крайней мере, пока. Поэтому приходится затолкнуть его в дальний угол сознания и спуститься по одной из двух бетонных лестниц к машине, которая уже ждет у входа.

Вадим обгоняет меня и открывает заднюю дверцу. При этом на меня даже не смотрит. Скользит взглядом по пространству вокруг нас, задерживаясь на каждой пальме и лавочке. Видимые углы дворца он осматривает с особой тщательностью.

Я тоже оглядываюсь и снова поражаюсь красоте архитектурного строения. Если кто-то увидит дворец издалека, то подумает, что в нем нет ничего особенного — неприметельное бетонное здание, только необычной полукруглой формы и с несколькими крышами, напоминающими купола у русских церквей. Но если этому человеку удастся подойти ближе, то он сможет увидить невероятные витражные окна с куполовидным верхом и золотыми вставками; колонны высотой вплоть до второго этажа, несколько балконов-террас и множество других деталей, как например, круглое маленькое окошко у самой крыши прямо над входом, которые хочется рассматривать и рассматривать.

Жаль, что сейчас нет времени насладиться шедевром архитектуры, поэтому я окидываю его последний взглядом, вздыхаю, сажусь в машину и чувствую жар, который сразу проникает под одежду. Вадим захлопывает за мной дверцу и занимает пассажирское место впереди, а охранник, с которым он говорил дома, оказывается еще и водителем.

Мы отъезжаем от дворца в полной тишине. Вадим включает кондиционер, за что я ему благодарна. Мне становится любопытно, почему шейх приставил ко мне именного его . Он точно не похож на рядового телохранителя, но решаю не начинать разговор. Не при посторонних. Тем более, вряд ли шейх поступил таким образом, если бы у него не было на то весомых причин. Холодок проходится по позвоночнику, и я откидываюсь на сиденье, пытаясь сдержать дрожь. Происхо-

дит что-то, о чем я даже не догадываюсь.

Бросаю взгляд на Вадима, он пристально смотрит за дорогой, иногда поглядывая в боковое зеркало, и складывается впечатление, что у него все под контролем. От Вадима веет такой аурой уверенности, что она невольно передается и мне. Расслабляюсь. Оставшуюся дорогу до Бурдж-Халифа смотрю в окно, мысленно повторяя термины, которые могут пригодиться на переговорах.

Тревога отходит на задний план и не возвращается до тех пор, пока мы не заходим в стеклянный лифт, который находится посреди огромного холла наполненного людьми. Вадим нажимает кнопку одну из последних кнопок на панели. Тяжело сглатываю, когда мы начинаем подниматься. Как только замечаю быстро меняющиеся цифры на табло, осознание, насколько мы высоко, проникает в разум, страх сковывает тело. Дыхание застревает в груди. Я нахожу за спиной перекладину. Сильное сжимаю ее. Металл под моими ладонями сразу же становится теплым и скользким.

Сначала ловлю настороженный взгляд Вадима в отражении, после чего он сам разворачивается ко мне.

— Что не так? — он становится передо мной.

— К-как… — язык не хочет слушаться, делаю глубокий вдох и смотрю прямо в голубые глаза. — Как высоко нам нужно подняться?

Вадим поджимает губы и хмурится. Несколько долгих секунд молчит, затем приближается ко мне. Между нами по-

чти не остается свободного расстояния. Меня окутывает его запахом. Задираю голову и снова теряюсь в его потрясающих глазах.

— Смотри на меня, — шепчет он, склоняясь надо мной. — Забудь обо всем. Просто смотри.

Вадим нежно улыбается. Гипнотизирует. Он не прикасается ко мне. Но одно его присутствие творит что-то невероятное с моим телом. Вадим словно управляет им. Дыхание подстраивается под его вдохи и выдохи. Сердцебиение успокаивается. По телу проносится жар. Я смотрю на Вадима и снова ловлю себя на мысли, что мне не хочется бежать. Наоборот, появляется желание остаться. Погрузиться в спокойствие, которое дарит мне этот мужчина. Передать ему в руки свою жизнь и позволить позаботиться обо всем.

Слышу писк лифта.

Моргаю.

И возвращаюсь в реальность, в которой не существует сказок. Принцы часто оказываются чудовищами или диванными жителями. А принцессам приходится превращаться в золушек и впахивать за двоих или, еще хуже, отбиваться от чудовища тяжелым мечом.

Вадим, скорее всего, замечает изменения на моем лице, поэтому делает шаг назад и уступает мне дорогу, позволяя первой выйти в коридор. Пол, покрытый ковролином, заглушает любые шаги.

Секретарь шейха, темноволосый молодой человек с бо-

родой и в деловом костюме, встречает нас у дверей лифта и провожает в конференц-зал, конечно же, с панорамными окнами. Хорошо, что овальный стол для переговоров с отверстием посередине столешницы стоит довольно далеко от них. И пока никого нет, я могу выбрать место — на противоположной стороне. Через несколько минут прибывает делегация с российской стороны в составе трех мужчин средних лет в черных костюме. Два из них отказываются темноволосым, а один красит волосы в белый цвет. Они лицом ко мне, предварительно здороваясь и проходясь заинтересованными взглядами сначала по мне, а потом Вадиму, который остановится у окна. После мужчин входит переводчик с их стороны. Молоденькая темноволосая девушка в темном-синем деловом костюме и с черными волосами, затянутыми в гульку на макушке. Она сначала обменивается словами приветствия со мной, а потом садится напротив меня рядом со своими представителями.

Арабская сторона, состоящая из трех мужчин, тоже не задерживается. Из них двое предпочли надеть белые кандуры, а один, советник шейха по вопросам транспортировки нефти и, по совместительству, глава делегации, сменил традиционный наряд на черный костюм. Все мужчины отрастили приличные бороды, а головы покрыли традиционным головным убором — куфией. Когда они заходят я встаю, здороваюсь, и получаю кивки в ответ, после чего они подходят к представителям со второй стороны. Тоже приветствует их. Только

после обмена формальностями мы можем начать.

Переговоры проходят гладко. Даже небольшая заминка, которая касается генерального директора, имени, которого мне не предоставили заранее, не портит впечатление. Мужчины пожимают друг другу руки, а я, наконец-то, возвращаюсь глазами к Вадиму. Он все время простоял у окна и стоило мне поднять взгляд, как я сразу же натыкалась на его мощную фигуру.

Его присутствии отвлекало меня от вида на крыши зданий за окном. Поэтому, когда мы выходим из конференц-зала, мои поджилки не трясутся. Хотя по коже проносится напряжение. Но, кажется, не из-за высоты.

— Татьяна, — нас нагоняет один из представителей российской стороны. Я оборачиваюсь и смотрю на мужчину со светлыми волосами, который пытается соблазнительно улыбаться. Хотя у него выходит, скорее, оскал, причем с кривыми зубами. — Может, вы бы хотели вечером присоединиться к нам? У нас намечается небольшой корпоратив по случаю удачных переговоров.

По мере того, как он говорит, мои глаза все больше расширяются. На мгновение теряюсь, но сразу же беру себя в руки.

— Прошу прощения, у меня уже есть планы, — стараюсь улыбнуться вежливо, но не уверена, что у меня получается скрыть растерянность, граничащую с отвращением.

— Может вы их отмените? — мужчина делает шаг ко мне.

Я даже отойти не успеваю, как передо мной вырастает стена.

— Вы уже получили ответ, — голос Вадима готов сорваться на рык. Я вижу только его напряженную спину, но, похоже, лицо тоже не выражает дружелюбие, потому что через секунду слышу бормотание, в котором различаю «приношу свои извинения», и надоедливый быстро уходит.

Вадим же поворачивается ко мне и как ни в чем не бывало указывает на лифт.

Не знаю, то ли возмущаться из-за такой вольности, то ли благодарить. Поэтому просто решаю промолчать. Захожу в лифт, двери которого как раз разъезжаются, и складываю руки на груди.

Мы спускаемся на первый этаж. Сначала выхожу я, затем Вадим. «Поездка» вниз прошла куда лучше, чем наверх. Поэтому я на твердых ногах иду по холлу Бурдж-Халифа и даже могу в подробностях рассмотреть его знаменитую хрустальную люстру, напоминающую множество замерших капель. Каблуки стучат по плитке, когда Вадим ровняется со мной.

— Чем таким важным ты занята вечером? — он шагает в ногу со мной, пока мы не выходим на улицу.

— Какая разница? — оглядываюсь по сторонам, прослеживая взглядом каждую машину, которая останавливается на подъездной парковке у здания.

Вадим усмехается.

— Ты забыла? Я — твой телохранитель. Мне не доложили, что у тебя есть какие-то планы на вечер. Как я могу обеспечить твою безопасность, если не знаю точного расписания?

Вадим хватает меня за предплечье и подтягивает к себе, когда худощавый мальчишка проносится мимо на самокате. Еще миллиметр, и он сбил бы меня с ног. Сердце пропускает удар, и мне нужно немного времени, чтобы снова начать нормально дышать.

— Спасибо, — поднимаю взгляд на Вадима. Он, щурясь, следит за мальчишкой, который едет дальше.

— Так что у тебя за дела? — стоит ребенку скрыться за поворотом, Вадим, наконец, смотрит на меня.

Вздыхаю.

— Нет у меня никаких дел. Это бы просто вежливый отказ.

Смотрю себе под ноги, когда чувствую, что пальцы на моей руке расслабляются.

— Отлично, тогда я тебя заберу вечером.

— Что? — вскидываю голову и тут же хмурюсь. — Ты не должен «обеспечивать мою безопасность» все рабочего времени, правда? — чуть ли не скриплю зубами.

— Почему это? — Вадим выглядит как сама невинность с расширенными глазами. — Должен. И если ты будешь рядом, мне проще будет, ее «обеспечивать», — уголки его губ подрагивают, а у меня слова застревают в горле.

Не могу подобрать подходящие, которым можно было бы побольнее уколоть этого проныру, и слышу звук мягкого торможения по асфальту.

Две машины останавливаются у пешеходной части. Прежде чем сесть в машину, замечаю, как ко второй — подходит глава делегации с арабской стороны. Он говорит по телефону, смотря прямо перед собой. Когда ему открывают дверцу, и он ныряет в машину, я слышу обрывок фразы:

«… генеральный должен быть доволен.»

Глава 6

— Можешь так не зажиматься, ничего я тебе не сделаю, — Вадим косится на меня, при этом ведя машину как бог. Задерживаю взгляд на его длинных пальцах, обхватывающих руль, на выступающих на руках венах , которые уходят под манжеты черной рубашки. Быстро отворачиваюсь, когда понимаю, что меня поймали с поличным. — И глазки прятать тоже не нужно. Можешь смотреть, сколько угодно. Я в полном твоем распоряжении.

Щеки заливает жар, и я сильнее сжимаю бежевый клатч со стразами, тон в тон подходящий к плиссированной юбке и пиджаку, который я набросила на плечи. Все, чтобы закрыть руки, потому что решила надеть шелковую майку на бретельках. Даже ночью в Дубае очень жарко, поэтому я благодарна Вадиму за то, что он сразу же включил кондиционер, иначе распущенные волосы не только бы облепили шею, но и полностью лицо.

— Куда ты меня везешь? — я уже сбилась со счета, сколько раз задавала этот вопрос. Но вместо ответа снова получаю лукавый взгляд и широкую улыбку.

— Хватит так переживать, скоро все узнаешь, — Вадим качает головой и перестраивается в другой ряд, маневрируя между потоками машин.

То, как он уверенно ведет машину, не может не восхи-

щать. А яркие огни ночного Думая придают ему еще более загадочный вид. Перед глазами встает сцена из Сумерек, когда Эдвард спас Беллу от уличных хулиганов, чуть не сбив их. А потом повез ее… есть. Хорошо, хоть она сама не стала ужином.

Нужно убить Лизу за то, что заставила посмотреть меня этот фильм. Потому что я опять ловлю себя на том, как снова начинаю рассматривать Вадима и задаюсь вопросом, не съест ли он меня.

Мысли перескакивают не в ту плоскость, и щеки обдает очередной волной жара. Опускаю голову, волосы закрывают лицо, но, кажется, поздно. До меня доносится смешок, а потом театральный вздох.

— Я бы сейчас все отдал, лишь бы узнать, что творится в твоей прелестной головке, — протягивает Вадим, и аккуратно поворачивает руль.

Меня все равно чуть ли не вжимает в дверцу машины, и я хватаюсь за ручку, чтобы оттолкнуться.

«А я очень рада, что ты не читаешь мысли», — чуть не ляпнула я, но вовремя прикусываю язык. Нет, все-таки хорошо, что он не Эдвард.

— Может, ты все-таки скажешь, куда мы едем? Я уже начинаю думать, что ты хочешь завести меня в какую-то глушь, надругаться надо мной, и закапать труп в ближайшем лесу, а я наивная девочка села в твой джип, подписав себе приговор.

Вадим бросает на меня быстрый взгляд и прыскает от сме-

ха.

— Ты же в курсе, что Дубае нет лесов? — он качает головой. — А «надругаться» над тобой я мог и во дворце.

Я хватаюсь за грудь и притворно задыхаюсь, но через секунду уже щурюсь, глядя на Вадима:

— Не-а, не мог. Там же Абду и куча охраны, — откидываюсь на сиденье, чувствуя, что сжатая пружина внутри меня, начинает расслабляться.

— Ты забыла? Я же наемник. Мне нужна всего лишь цель, а как ее достичь — способ всегда найдется, — Вадим смотрит на меня и играет бровями, прежде чем остановится у высотки, сделанной полностью из стекла, рядом с которой собралась настоящая толпы.

Улыбка, которую я раньше не чувствовала, спадает с лица. Не из-за слов Вадима, а потому что я вижу людей. Мужчины в основном одеты в разного цвета рубашки и брюки, а вот девушки… От разнообразия их платьев: от коротких, еле прикрывающих попу и оголяющих руки, до длинных с огромным декольте, я чуть ли дар речи не теряю. А это еще не смотрю на украшения, прически и макияж. Зато взгляд цепляется за каблуки. У всех шпильки. У всех! А я-то обула босоножки на плоской подошве. Рядом с этими девушками я точно буду выглядеть, как замухрышка, в лучшем случае.

Дверь с моей стороны открывается, и в машину заглядывает Вадим. Я даже не заметила, как он вышел. Зато его мальчишеская улыбка с ямочками от меня не скрываются,

и я чувствую, как злость из-за того, что он не предупредил меня, куда мы едем, разливается в груди. Быстро отстегиваю ремень безопасности и хватаю протянутую руку. Вадим помогает мне выбраться из джипа, намеренно, в чем я не сомневаюсь, прижимает к себе. Но я, как только чувствую опору под ногами, делаю шаг назад.

— Ты не мог мне сказать, что мы едем в Armani Prive? — понижаю голос до шепота, но Вадим меня слышит. — Я бы оделась… поприличнее.

Он не отводит от меня взгляда. Хмурится, и сразу же сокращает расстояние между нами. Поднимает мою голову за подбородок и заглядывает мне в глаза.

— Ты прекрасно выглядишь, — его голос хриплый, такой проникновенный, что забирается чуть ли не в каждую клеточку тела и заставляет его трепетать. А эти глаза… Почему я не могу от них оторваться?

Кажется, Вадим решает меня добить или лишить возможности мыслить здраво, потому, что поднимает руку и заправляет волосы мне за ухо, нежно касаясь сначала щеки, а потом и уха. Но на этом не останавливается. Скользит кончиками пальцев по шее, плечу, руке. Переплетает наши пальцы и делает шаг назад.

— Пойдем, — его голос осипший, и это дает мне хоть небольшое облегчение. Не одна я чувствую, что теряю связь с реальностью.

Вадим ведет меня мимо толпы, прямо ко входу. Не сразу

понимаю, что мы минуем очередь. Но возмущенные шепотки и придирчивые взгляды, брошенные сверху вниз, быстро возвращают меня в реальность. Опускаю голову и смотрю под ноги ровно до тех пор, пока Вадим не подходит к лысому амбалу-охраннику в черном костюме. Что-то говорит, но проезжающая мимо спортивная машина не вовремя газует и заглушает все звуки. А уже в следующее мгновение, охранник, дружелюбно улыбаясь и демонстрируя несколько золотых зубов, убирает красный ограждающий канат. Они с Вадимом обмениваются рукопожатиями, после чего амбал окидывает меня взглядом и отходит в сторону.

Еще один охранник меньшей комплекции, с темными волосами и бородой, открывает для нас стеклянную дверь, мне же кажется, что — портал в ад.

Оглушающая музыка, разноцветные огни, сладкий запах вырываются наружу.

Меня вдруг переносит в прошлое…

Громкая музыка, звучащая весь вечер, отдавалась пульсацией в голове. Мигающие огни постоянно ослепляли. Запах пота, алкоголя и сигарет до сих пор преследует меня. Но самое страшное даже не это, а клиенты, которые постоянно трогают тебя за задницу, пытаются зажать в углу или усадить на колени. И это я еще официанткой работала, не представляю, через что пришлось пройти девочкам-танцовщицам.

Вадим уже хочет войти внутрь, но я торможу. Тяну его за руку. Он тут же оборачивается и заглядывает мне в глаза.

— Мы… можем не идти туда, — говорю тихо и кусаю губу.

Хочу опустить взгляд, но не могу. Вадим точно меня загипнотизировал. Он приковал меня к себе своими потрясающими глаза, забрался мне в голову и не хочет отпускать. Чуть склоняет голову и пристально смотрит. Не разрывает зрительный контакт, на этот раз забирая у меня дыхание.

Проходит несколько долгих мгновений, прежде чем он отмирает и улыбается уголками губ.

— Просто расслабься. Эта ночь будет посвящена тебе, — его голос тихий, но твердый.

Он делает шаг назад, а у меня желудок падает вниз. «Ад» за его спиной загорается алыми огнями. Но вместо того, чтобы затянуть меня туда, Вадим идет в противоположную сторону. Он уводит меня подальше от ада. Снова тянет за собой. Вот только куда? И почему я иду за ним, не пытаясь возражать?

Глава 7

Когда машина останавливается в очередной раз, я не верю своим глазам. Руки дрожат, а сердце, которое наконец возобновило нормальный ритм, снова бьется со скоростью света. Через стекло вижу исполнившееся желание, о котором никому не говорила. Медленно поворачиваю голову и смотрю на Вадима. Он как раз отстегивает ремень безопасности, но как только слышит мои слова, замирает.

— Скажи честно, у тебя есть еще какие-то способности, кроме встроенного детектора лжи?

Его брови собираются у переносицы.

— Что ты имеешь в виду? — Вадим складывает ремень безопасности и в пол оборота разворачивается ко мне.

— Я только сегодня думала о пляже, — к концу фразы мой голос становится тише, а к щекам приливает кровь. Хочу отвернуться, но, когда вижу усмешку Вадима, не могу пошевелиться.

— У меня много интересных способностей. Уверен, ты от них будешь в восторге, — его глаза сужаются, в них появляется лукавый огонек. — Но чтение мыслей не входит в этот список. Очень жаль, кстати, иначе…

Он играет бровями, а я кусаю щеку с внутренней стороны, чтобы не рассмеяться. Вместе с тем, пытаюсь избавиться от жара, который охватил тело на словах «способности»

и «понравится». Еле подавляю порыв спросить, что он имел в виду. Хорошо, что Вадим выбирается из машины и захлопывает за собой дверцу.

Я наблюдаю, как он с грацией льва, обходит машину. Идет ко мне, еще в лобовом стекле соединяя наши взгляды и не разрывая контакт до тех пор, пока не открывает мою дверь.

Тянусь к защелке, чтобы отстегнуться, но Вадим опережает меня. Он нависает надо мной, переваливаясь через сиденье. Меня окутывает его мускусный аромат, смешанный с соленым запахом моря. Глубоко вдыхаю, а когда наши пальцы у сиденья соприкасаются, дергаюсь. Меня бьет током. Током, твою мать! Да, что с этим мужчиной не так? Почему я так остро на него реагирую?

Вадим, видимо, тоже это чувствует, потому что шире улыбается и, наконец, нажимает на защелку. Еще секунду смотрит мне в глаза, а потом выбирается наружу. Я избавляюсь от ремня безопасности, и тут же замечаю протянутую ладонь. Прикрываю глаза, когда вкладываю в нее пальцы, готовясь к худшему. Но на этот раз ничего не происходит. Может, это дело в статическом электричестве?

Найти ответ на этот вопрос не получается, потому что Вадим вытягивает меня их машины.

Как только я оказываюсь снаружи, меня сразу же окутывает теплый, но одновременно освежающий воздух. Подставляю ему лицо. Прикрываю глаза. Боже. Я мечтала об этом весь день.

Чуть отхожу в сторону и наклоняюсь. Чувствую на себе любопытный взгляд, но голову не поднимаю. Растягиваю ремешки на босоножках. Сбрасываю их, затем погружаю стопы в теплый песок.

— М-м-м, — не могу сдержаться.

Становлюсь прямо, подхватывая босоножки, закусываю губу и жмурюсь. Позволяю себе секунду насладиться легким ветерком, развивающим волосы и обдувающим лицо, прежде чем повернуться к Вадиму.

— Спасибо, что привез меня сюда, — нежно улыбаюсь ему.

Он смотрит пристально. Его взгляд темный, пронзительный. Он пробирается мне под кожу и заставляет ее пылать. Делаю шаг назад. Пиджак соскальзывает с плеч и падает к ногам на песок. Но я не пытаюсь поднять его. Меня будто приковало к Вадиму. Я даже на расстоянии чувствую напряжение, сквозящее между нами. Оно покалывает кожу и не дает пошевелиться. Морской бриз трепещет волосы, колышет юбку, скользит по телу, немного охлаждая его.

Детский визг нарушает блаженную тишину и помогает сбросить напряжение, которое затаившееся внутри. Я оборачиваюсь и нахожу глазами маленького мальчика. Он заливисто смеется, убегая от мужчины, который, без сомнений, его папа. Миловидная девушка в длинном светлом платье и с покрытой головой, медленно идет за ними и улыбается. Отец ловит ребенка. Подбрасывает его в воздух. По пляжу

разносится настолько громкий визг, что у меня закладывает уши. А когда мужчина прижимает ребенка к себе, из него вырывается задорное хихиканье. Радость малыша передается и мне, я улыбаюсь.

— Пойдем? — шепот раздается у самого моего уха, а перед собой я вижу открытую ладонь. Мой пиджак висит на сгибе локтя Вадима. Когда он успел его поднять? Перевожу взгляд на его лицо и замечаю нежность в его глазах. — Прогуляемся.

Неосознанно беру Вадима за руку. Кажется, тело начинает жить отдельно от меня. Вадим крепко охватывает мои пальцы и улыбается, показывая мне ямочки на щеках. Засранец. Не сомневаюсь, он знает, что великолепен.

Мне бы бежать от него без оглядки, но вместо этого я просто подстраиваюсь под его шаги. Мы идем неспеша. Держась за руки. Наслаждаемся спокойствием. Теплый песок согревает стопы. Пару раз я наступаю на мелкие камешки, но почти не чувствую боли. Все мое внимание отдано мужчине рядом. Ветер доносит до меня его мускусный аромат. Тепло грубой ладони разносится по телу. Сердцебиение замедляется. Спокойствие затягивает меня в свои сети. Я очень рада, что оно начало ко мне возвращаться, потому что мы так давно «не виделись».

Мне всегда нужно было куда-то бежать, спешить, скрываться. Возможно, даже от себя самой. А сейчас впервые за долгое время, меня накрывает настоящее умиротворение. Я

могу размеренно идти по пляжу. Наслаждаться шумом волн, шуршание песка под ногами и комфортным молчанием. Как же мне его не хватало.

— Почему я? — проходит довольно много времени, прежде чем в моих пустых мыслях появляется этот вопрос, и я задаю его.

Вадим не останавливается, не дергается, вообще никак не реагирует, все также сжимает мою руку и идет вперед.

— Ты нравишься мне, — он смотрит перед собой, когда я кошусь на него. — Этого достаточно? — его бровь взлетает вверх.

Не сомневаюсь, он знает, что я за ним наблюдаю. От этого мужчины ничего скрывается. Он просто делает вид, что максимально расслаблен. Где-то в глубине него есть напряженная пружина, которая готова в любой момент выстрелить.

— Нет, не достаточно, — срывается с моих губ.

Вадим резко тормозит. Становится передо мной. Заглядывает мне в глаза. Поднимает руку и проводит пальцем по моей скуле.

— Ты ведь не понимаешь, насколько привлекательна, правда? — его взгляд мечется по моему лицу.

Вадим двумя ладонями обхватывает мои щеки и приближается ко мне. Запрокидываю голову, чтобы не потерять зрительный контакт. Его губы почти касаются моих, чувствую горячее дыхание, когда он произносит слова, которые не сразу укладываются у меня в голове. Но как только смысл

доходит до меня, у меня приоткрывается рот, который Вадим с полуулыбкой за подбородок захлопывает.

— Ты невероятная, — он скользит подушечками пальцев по овалу лица. — Нежная и сильная, — его губы с каждым словом касаются моих. — Очень красивая и совершенно не осознающая этого, — он улыбается. — Когда я увидел тебя… там… в баре. Тебя будто особое сияние подсветило. И я понял. Ты будешь моей. Поймаю и не отпущу. Ни за что.

Сердце, кажется, замирает. Теряю себя. Не думаю, что вообще когда-нибудь смогу мыслить здраво. Мозг превращается в желе, и все что я могу — смотреть в невероятные глаза Вадима и дышать ему в такт.

— В первую нашу встречу мне показалось, что ты создана для меня, — он опускается чуть ниже и еще сильнее касается моих губ. — И с каждой нашей встречей я все больше в этом убеждаюсь, — шепот, в итоге, заглушается поцелуем.

Ввсе! Сопротивление бесполезно. Да, и не хочу я бороться с чувствами, которые начинают зарождаться внутри. Маленькие ростки так быстро становятся несгибаемыми стеблями, что это должно пугать. Но вместо того, чтобы убежать с криком, я расслабляю пальцы. Босоножки падают на песок, а я обнимаю Вадима за талию. Притягиваю к себе. Растворяюсь в нем. В его губах, которые нежно касаются моих. В его языке, проникающим в мой рот и завладевающим им. В ладонях, крепко держащих мои щеки.

Уверенность. Вот, что это за чувство, которое я все это

время гнала от себя. Именно она меня так сильно привлекала ав Вадиме. Не знаю почему, но понимаю, что могу положиться на этого мужчину. Могу ему довериться. Могу позволить пробраться чуть глубже, чем всем остальным.

Совсем не думаю, когда начинаю отвечать на поцелуй. Встречаю каждое движение языка Вадима. Прижимаюсь к нему так крепко, будто пытаюсь раствориться в нем. Даю себе почувствовать все, что скрывалось глубоко внутри. Свободу, желание, страсть. Эмоции переполняют меня, и все, о чем я могу думать — об огне, который не дает мне спокойно стоять.

Сжимаю в пальцах рубашку Вадима. Он улавливает изменения во мне. Углубляет поцелуй. Меня бросает в жар. Чувствую все настолько остро, что, кажется, горю изнутри. Его язык у меня во рту. Зубы, кусающие мою губу. Руку, скользящую по щеке к шее. Вадим обхватывает мой затылок, фиксирует. Теперь он контролирует каждое движение. Он может делать со мной все, что захочет. Но прежде, чем усилить напор и превратить искры страсти в настоящее пламя, отстраняется. Вадим заглядывает мне в глаза и… делает шаг назад.

Вглядываюсь в его лицо, и кажется, что я вижу там сомнение. В груди разгорается режущая боль. Опускаю голову… Боже, что я наделала.

Глава 8

— Я... я… — не успеваю ничего сказать, как Вадим хватает меня за руку и куда-то тащит.

На автомате делаю пару шагов следом за ним, но почти сразу торможу. Вадим сурово смотрит на меня через плечо. Если бы так взглянул Антон, я бы уже давно нашла ближайший угол и спряталась бы в нем, но Вадима я не боюсь. Просто оборачиваюсь и бросаю взгляд на песок, где только что стояла. Там валяются мои босоножки, а рядом с ними пиджак, который похоже соскользнул с руки Вадима.

Слышу приглушенное чертыхание, после чего грубые пальцы отпускают мою ладонь. Вадим пролетает мимо, словно метеор. Не успеваю повернуться, как он снова оказывается рядом. В одной рукой держит мои вещи, а второй снова хватает мою руку.

Не сопротивляюсь. Иду за ним. Быстро. Так быстро, что пару раз спотыкаюсь. Но не останавливаюсь. Вадим тоже. Пока мы оба не оказываемся у машины. Сигнализация пиликает, и Вадим открывает переднюю пассажирскую дверь. Он чуть ли не заталкивает меня внутрь, поддерживая под попу. Как только сажусь, дверца хлопает так громко, что я вздрагиваю. Устраиваюсь удобнее, пристегиваюсь и все это время не отвожу взгляда от Вадима, который обегает машину. В свете фонарей его силуэт еще больше напоминает Эдварда,

также мчащегося вокруг машины, чтобы помочь Белле выйти наружу. Прыскаю от смеха, но как только водительская дверь открывается, и Вадим запрыгивает в джип, резко замолкаю. Его появление будто подключает меня к источнику тока, который несется по венам.

Вадим бросает мои вещи на заднее сиденье, заводит двигатель и выруливает с парковки. Даже не пристегивается. Почти сразу мы оказываемся на проезжей части. Смотрю в окно. Машин не так много, как вечером. Но все же они встречаются. Мы проезжаем одно многоэтажное здание за другим, пальмы то и дело мелькает за окнами, когда я снова решаюсь посмотреть на Вадима. Скулы отчетливо очерчены. Челюсти сжаты. Желваки ходят по щеке. Взгляд не отрывается от дороги. А пальцы так крепко сжимает руль, что странно, как он не трещит.

— Куда мы на этот раз? — ерзаю на сиденье, пытаясь хоть немного сбросить напряжение.

Вадим молчит.

Резко поворачивает, что я чуть не лечу в него. Но ремень безопасности задерживает меня на месте. И помогает не врезаться лбом в лобовое стекло, когда Вадим тормозит в какой-то подворотне. Двигатель не заглушает. Темно, почти ничего не вижу. Если бы не ближний свет фар, то я бы даже не заметила бетонную стену перед нами.

Вадим смотрит перед собой. Пальцами все также сжимает руль. Я вижу лишь его силуэт. Он дышит тяжело. Шум-

но. Кондиционер обдувает кожу прохладным воздухом, когда внутри у меня все пылает.

Мну юбку, но глаз от Вадима не отвожу. Жду.

Молчание затягивается. Напряжение усиливается. Я кусаю щеку изнутри.

Вадим медленно отцепляет пальцы от руля. Также медленно поворачивается ко мне. И медленно поднимает взгляд. Даже в тусклом свете я различаю, насколько темными стали его глаза. Брови сведены к переносице. А рука, лежащая на бедре, сжата в кулак.

Тяжело сглатываю, но пошевелиться не могу. Кажется, гипноз Вадима перерос во что-то большее. Он завладел моим разумом. Поэтому вместо того, чтобы попытаться сопротивляться, я нажимаю на защелку от ремня безопасности.

Вадим словно оживает. Но не набрасывается на меня. Он выключает фары, открывает дверь машины и выходит наружу. Громкий хлопок заставляет меня зажмурится и замереть.

О чем, черт побери, я думала? Какая же я дура!

Судорожный выдох срывается с моих губ, когда дверь с моей стороны открываются, и грубые пальцы обхватывают мое запястье. Теплый воздух врывается в прохладу салона и вызывает мурашки на коже. Или они появляются из-за напряженного взгляда Вадима, который приковал меня к себе и не отпускает?

— Выходи, — его голос напоминает рык. Взгляд звериный. Теперь я не вижу «грозного вампира», передо мной на-

стоящий волк. Джейкоб, ты ли это?

Не могу сдержать смешок и замечаю, как брови Вадима ползут вверх. Но в следующее мгновение забываю о смехе, потому что огромные руки обхватывают меня и вытаскивают наружу. Я едва успеваю встать на ноги, как меня прижимают к теплому металлу. Вадим пальцами впивается в мою талию и тяжело дышит.

— Я хотел подождать, — шепчет он мне в губы. — Цветы, конфеты, все-такое планировал, — проводит носом по моей скуле. — Но ты так смотришь на меня… — он заглядывает мне в глаза.

— К-как? — мой голос срывается.

Я прохожусь языком по своим губам. Взгляд Вадима опускается на них.

— Словно вот так ты хочешь облизать мой член, — хриплый голос в сочетании с горящим взглядом сводят с ума.

Мне бы возмутиться. Или смутиться. А может то и другое, но пальцы Вадима, скользящие к моим бедрам, его горячее дыхание на моей щеке, губы, нежно щекочущие кожу и спускающиеся по шее, не дают мыслить здраво.

Вадим оставляет нежный поцелуй у меня на подбородке. Пальцами сильно впивается в бедра. Длинно выдыхаю, наклоняю голову, предоставляю больший доступ к шее. Закрываю глаза, но тут же распахиваю, когда Вадим вместо того, чтобы продолжить начатое, отрывает меня от машины. Сдвигает немного. Не дает мне шанса даже пискнуть, пото-

му что сразу толкает меня обратно. Только вместо жесткого металла я врезаюсь в… пустоту.

Визг застревает в груди, когда я падаю на что-то мягкое. Поднимаю голову. Наблюдаю, как Вадим с свойственной ему львиной грацией приближается ко мне. Не понимаю, что чувствую. Мне хочется убежать. Но в то же время нужно, чтобы он меня поймал. Начинаю отползать назад, когда в тусклом свете маленькой лампочки на потолке замечая хищную улыбку на лице Вадима. Врезаюсь спиной в закрытую дверцу с другой стороны. Прижимаюсь к ней плотнее. Пытаюсь нащупать ручку. Но он меня останавливает. Забирается на заднее сиденье рядом со мной и закрывает дверь. Свет гаснет. Слышу писк сигнализации. В Руке Вадима мелькает что-то маленькое и темное. Он засовывает это предмет в карман брюк и разворачивается ко мне.

Мы смотрим друг на друга. Я в ловушке. Сама себя в нее загнала. Отдалась в лапы хищнику.

Вадим поднимает руку. А я замираю. Сжимаюсь. Липкий страх сковывает тело. Сердце заходится в груди. Открываю рот, но крик застревает в груди. Как и дыхание. Нет. Только не снова.

Глава 9

Только через мгновение понимаю, что Вадим не собирается причинять мне вред. Он просто тянется к потолку, чтобы включить свет, который погас с закрытием двери.

Напряжение мигом отпускает, а в голове проносится «какая же я дура», особенно, когда я вижу нахмуренные брови Вадима. Он не пытается приблизится. Просто сидит рядом и смотрит на меня, так внимательно, что мне становится неловко.

— Что с тобой? — Вадим наклоняет голову к плечу и стискивает зубы. Губы превращаются белую линию.

Что-то мне подсказывает — он все понимает. По щекам разливается жар. Нет! Не хочу больше жить прошлым. Вадим не такой. Он ничего мне не сделает. Отталкиваюсь от дверцы машины, пододвигаюсь к нему, но, как только хочу перебросить ногу через его колени, происходит две вещи: я запутываюсь в юбке, и Вадим руками обхватывают мои плечи, удерживая рядом с собой.

Я глотаю воздух, глядя в его потрясающие глаза, которые кажутся слишком серьезными. Таким я его видела только сегодня днем во время встречи.

— Таня… — тихо говорит он, вглядываясь в мое лицо.

— Нет, — мотаю головой. — Нет, мы не будем ни о чем говорить, — обхватываю его за запястья и пытаюсь убрать

их с плеч, но он не отпускает.

Призываю все силы, что у меня есть. Надавливаю. Тщетно! Почему он такой сильный? Почему они все такие?

— Пусти, — опускаю голову, руки падают вдоль тела.

Глаза щиплет, но я держусь. Не позволю пролиться слезам. Не снова.

— Таня, — грозный голос Вадима заставляет меня вздрогнуть. Пальцы на моих плечах немного расслабляются, вот только не отпускают. — Таня, посмотри на меня, — говорит мягче.

Встряхиваю головой, стараясь глубоко дышать.

— Если не хочешь, отпусти, — делаю глубокий вдох, в мыслях раз за разом всплывает «шлюха, шлюха, шлюха…». Нет! Он не может опять завладеть моим разумом. Тем более его здесь нет. Поднимаю взгляд на Вадима. — Отвези меня во дворец, — звучит четко, чему я очень рада. Но кажется, Вадима не так просто пронять.

— Да, что с тобой? — он тянет меня к себе.

Я упираюсь ладонями в его грудь. Пытаюсь оттолкнуться. Не получается.

Снова смотрю в потрясающие глаза. Волосы падают на лицо, и я пытаюсь их сдуть. Ничего не получается. Да, что сегодня такое? Почему у меня ничего не получается? Слезы наполняют глаза.

Вадим все также пристально смотрит на меня.

— Если я спрошу «Кто?», ты мне не ответишь? — жестко

говорит он.

Я замираю. Мои глаза расширяются. Шумно сглатываю.

— Неважно, сам узнаю, — бормочет он и притягивает меня к себе.

Я не сопротивляюсь. Позволяю ему впечатать меня в твердую грудь и теряюсь в мускусном запахе. Вадим пальцами перебирает волосы у меня на затылке, так нежно и в то же время, защищающее обнимает меня за плечи, что я расслабляюсь в его руках. Постепенно сердце успокаивается, а истерика сходит на нет. Расслабляюсь и уже сама прижимаюсь к Вадиму, обнимая его.

Хочется сидеть так вечно, но воспоминания о моем поведении прорываются сквозь пелену спокойствия. Боже? Какого хрена, я натворила? Кусаю нижнюю губу и отстраняюсь. Странно, что Вадим позволяет мне сделать это. Вот только не отпускает. Одна его рука все еще находится на моей спине, а вторая — ложится на мою щеку.

Вадим смотрит нежно. Так будто, у него в руках хрупкая, и в то же время такая желанная статуэтке. Он легко гладит большим пальцем мою скулу, не предпринимая больше никаких действий. Слышу его тяжелое дыхание. Чувствую подрагивающие пальцы.

Вадим сдерживается, я чувствую это. Он ждет. Чего? Первого шага от меня?

Взглядом бегаю по его лицу, пытаюсь найти хотя бы небольшое подтверждение, что я не ошибаюсь. Если он меня

оттолкнет, я не переживу.

Вместо насмешки, которая обычно появлялась на другом лице, когда я проявляла хоть долю инициативу, каждая черточка Вадима наполнена теплом. Внешне он выглядит спокойным, вот только в глазах — буря. Он мечется. Пытается сделать выбор. И… не может.

Бросив мимолетный взгляд вниз, я вижу подтверждение его желания. Этого мне достаточно.

Поднимаю руку и тянусь к его лицу. Вадим превращается в замершую статую. Только глаза двигаются. Он следит за моей рукой, пока я не касаюсь дрожащими пальцами его губ. Они мягкие с мелкими шелушинками. Едва ощутимо провожу по нежной коже и скольжу дальше. Щетина колется, когда я кладу ладонь на его щеку, совсем как недавно делал он. Улыбаюсь уголками губ и приближаюсь к нему почти вплотную

Вадим не спешит действовать. Я тоже. Он впивается в меня взглядом, словно хочет убедится, что я готова. И получает робкий кивок.

Мгновение, и я уже лежу, распластавшись на сиденье. Вадим придавливает меня к жесткой коже. Локтями упирается по обе стороны от моей головы, заглядывает мне в глаза и впивается в губы. Не думаю. Не хочу. Просто отдаюсь переполняющим эмоциям. Обнимаю Вадима за талию. Притягиваю ближе. Чувствую тяжесть его тела. Прижимаюсь максимально. Наслаждаюсь властью, которую он надо мной имеет.

Завтра буду сожалеть. Завтра. А сегодня… мне просто хочется быть желанной.

Глава 10

Открываю рот. Впускаю его язык. Вадим тут же пользуется ситуацией. Углубляет поцелуй, забирая дыхание. Распаляет во мне жар, посылая его по телу. Заставляет меня ерзать под ним, лишь бы найти хоть долю облегчения. Он даже толком меня не касается. Просто целует. Но как…

Стон рождается в груди и вырывается из меня, как только Вадим открывает от моих губ. Покрывает невесомыми поцелуями щеки. Спускается ниже и ниже. Касается шеи, которую я с удовольствием ему подставляю. Но вместо легких поцелуев, я чувствую зубы. Они до боли впиваются в кожу. Шиплю и тут же стону, когда влажный язык касается места укуса. Он тщательно зализывает потревоженную кожу. В какой-то момент кажется, что Вадим слизывает кровь. Сравнение с оборотнем, поставившим метку своей паре само появляется в мыслях, но тут же ускользает, стоит ощутить полный вес Вадима на себе. Его член давит на живот. Я чувствую его размер и теряю дыхание. Это длится всего мгновение, после чего Вадим поднимается. Смотрит на меня, и я забываю обо всем. Его взгляд не отпускает. Он пригвождает меня к месту, пока Вадим скользит руками по моему телу. По груди, по животу, по бедрам… к щиколоткам, свисающим с сиденья. Обхватывает их, после чего начинает двигаться наверх. Приподнимаю бедра. Вадим улыбается и задирает юбку до

талии. Жду, когда он схватится за резинку трусиков и потянет их вниз. Но вместо этого Вадим, не разрывая зрительного контакта, просто разводит мои ноги. Отодвигает кружево в сторону и касается влажных складок.

Его горячий палец в сочетании с прохладой в салоне, заставляют меня втянуть в себя воздух. Стоит Вадиму коснуться подушечкой клитора, дергаюсь. Взгляд Вадима ожесточается. Темнеет. Черты лица становятся звериными. Дыхание учащается.

Он теряет контроль…

Быстро отодвигается. Двигает меня к дверце. Приподнимает мои бедра, наклоняется и втягивает клитор в рот. Я выгибаюсь. Крик застывает на губах. Вадим начинает сосать. Пальцем входит в меня. По телу проносится мелкая дрожь. Я пытаюсь вцепиться в кожаную обивку сиденья. Но ногти соскальзывают. Вадим добавляет к губам язык. Нажимает. Перекатывает. Кружит. Пальцем двигается все быстрее и быстрее.

Не могу сдержать стон. Дрожь усиливается. Как и жар. Он заполняет тело. Огонь внутри становится настолько сильным, что угрожает спалить меня изнутри. Мечусь по сиденью. Дышу через раз. Царапаю обивку кресла.

Вадим усиливает напор. Втягивает клитор, надавливает на него языком, посылает волну жара по телу. Без того обрывочное дыхание застревает в груди. Замираю. Вадим толкается в меня пальцем. Вздрагиваю. Пружина внизу живота

сжимается. Жар усиливается. Ровно до еще одного толчка. Взрываюсь. Огонь растекается волной по телу. Проносит по нему мелкую дрожь. А за ней слабость.

Не успеваю полностью насладиться блаженством, как меня возвращают в реальность. Вадим садиться на кресло… вместе со мной. Смотрю на него. Вижу помутневший взгляд, и низ живота снова сводит. От предвкушения.

Нам нужна всего секунда, чтобы обменяться полными желания взглядами, и мы тянемся друг другу. Соединяем губы. Целуемся. Не могу нормально мыслить, когда встречаю его язык на полпути. Вадим поднимает мою майку. Накрывает ладонью грудь. Но лифчик без бретелек ему явно мешает. Через миг и его не остается. Возможно, Вадим его стянул или тоже порвал. Плевать. Все, что мне нужно — чувствовать его поцелуи с покусываниями, грубые пальцы на груди и руку, крепко сжимающие бедро.

Не хватает только одного. Кладу ладонь прямо на его член, скрываемый тканью брюк. Но это не становится препятствием для меня. Начинаю тереться.

Вверх. Вниз.

Вверх. Вниз.

Вадим сильно кусает меня за нижнюю губу и сжимает сосок. Я отрываюсь от его губ. Стону. Выгибаюсь, когда чувствую его язык, скользящий по шее. Он опускаются ниже, ниже и ниже. Губы смыкаются вокруг соска. Посылают по телу волну жара. Вызывают новый стон, который становится

еще громче, когда я чувствую прикосновение между ног.

Вадим снова отодвигает мои трусики и двумя пальцами входит в меня. Хватаюсь за его плечи. Сама насаживаюсь на пальцы внутри меня. Вадима, кажется, это только заводит. Он поднимет на меня взгляд. Впивается зубами в мой сосок. Я даже закричать не успеваю, как чувствую горячий язык на другой груди.

Опускаюсь ниже. Привстаю. Снова насаживаюсь на его пальцы. Но мне этого недостаточно. Хочется больше. Намного больше.

Вадим отпускает грудь и скользит по коже влажными губами выше.

Дрожь проходится по телу, когда слышу шепот у своего уха:

— Презерватив в кармане.

Вадим обхватывает губами мочку. Покусывает ее. Пальцами двигается внутри меня. Не сразу понимаю, что он имеет в виду. Но смысл слов хоть медленно, но доходит до разума. Тянусь к его брюкам.

— Не там, — хриплый голос врывается в помутневшее сознание, вместе с поцелуем в скулу и очередным толчком.

Рука дрожит, когда я пытаюсь забраться в карман с другой стороны. Нахожу фольгированный квадратик. Но не успеваю его вытащить, как роняю, потому что Вадим начинает гладить меня изнутри. Добавляет еще и палец снаружи. Кружит по клитору. Колени дрожат так сильно, что я оседаю ниже.

Стону.

— Давай же, — голос Вадима звучит с надрывом. Будто он едва сдерживается. Но при этом не останавливается. Пальцами все глубже и быстрее входит в меня. Кружит по клитору. Не дает сосредоточится. Собираю последние силы, Шарю рукой в кармане, снова нахожу презерватив и вытаскиваю.

Вадим тут же его забирает. А я тянусь к ширинке. Расстегиваю ремень, пуговицу. Наблюдаю, как Вадим зубами разрывает упаковку. Как я ничего не задела, резко дернув молнию вниз, останется загадкой. Забираюсь под резинку трусов. Обхватываю твердый горячий член пальцами и замираю. Мои глаза расширяются, и я шокировано смотрю на Вадима, который каким-то чудом вытащил латекс из фольги одной рукой.

— Это во мне не поместится, — шепчу я.

Вадим расплывается в улыбке.

— Поверь, дорогая, все поместится, — он приближается ко мне, чувствую его дыхание у себя возле уха. — Он создан для тебя.

Фыркаю, но тут же забываю обо всем, когда чувствую, как пальцы Вадима глубже проникают в меня. Ловлю ртом воздух, и слышу:

— Давай же.

Вадим своими размеренными движениями внутри почти лишил меня разума. Но я нахожу в себе последние силы, вытаскиваю его член из трусов и провожу по стволу ладонью.

«Нет, точно не поместится», — не успеваю произнести вслух, как Вадим отводит мою руку в сторону. Опускаю взгляд и наблюдаю, как он быстрым движением раскатывает латекс по члену. Огромному члену! Мамочки!

Выразить свое негодование мне не удается, потому что Вадим вытаскивает из меня пальцы и… медленно облизывает их. Забываю обо всем. Кажется, я не видела ничего эротичнее. Я не могу отвести взгляда от губ, которые покрываются моими соками. Чувствую пальцы другой руки на бедрах. Вадим так сильно сжимает их, что становится немного больно. А потом целует меня. Язык проникает в мой рот, и я чувствую свой вкус: соленый, немного терпкий, но… вкусный. Боже, о чем я думаю? Но уже в следующее мгновение все мысли вылетают из головы, потому Вадим приподнимает меня.

Насаживает на член. Опускает медленно. Растягивает.

Я отрываюсь от его губ, забываю о дыхании. Концентрируюсь на ощущениях. Чувствую себя такой… наполненной. Тело покрывается мурашками, когда Вадим опускает меня все ниже, ниже и ниже. Пока не входит полностью. Замираю. Прислушиваюсь к себе. Никакого дискомфорта. Надо же!

— Говорил же, что он создан для тебя, — произносит Вадим надломлено.

А через миг, не выходя, он опрокидывает меня на сиденье, навалившись сверху. Он устраивается удобнее между моих ног и отпускает бедра. Опирается локтями с обеих сторон от

моей головы.

— Прости, малышка, — шепчет он мне в губы. — Я постараюсь сдерживаться, но не уверен, что получится.

Киваю. Он целует меня. Нежно. Сладко. Самозабвенно. Входит до упора. А потом медленно выходит. Вадим скользит языком по моим губам, прежде чем проникнуть языком в рот.

Не соображаю, когда начинаю двигаться к нему навстречу. Жар, который не успел остыть, разгорается с такой силой, что кажется я схожу с ума. Вадим точно улавливает изменения во мне, поэтому входит быстрее, резче. Его язык проникает в мой рот в такт члену. Глухие стоны вырываются из моей груди. Я одной рукой цепляюсь за сиденье, второй — хватаю ремень безопасности. Тяну так резко, что он блокируется. Не отпускаю.

Вадим входит в меня жестче. Откидываю голову. Протяжно стону. Он впивается в мою шею. Втягивает в рот кожу. Будет засос. Плевать! Все, о чем я могу думать, все что удается чувствовать — его член, скользящий во мне, растягивающий меня, наполняющий без остатка.

Ощущения сильные, яркие, всепоглощающие, что любые связные мысли вылетают из головы. Легкие горят. Кожа горит. Я горю. Низ живота скручивает с так сильно, что не могу терпеть. Двигаюсь навстречу толчкам, пытаюсь забрать свое. Обхватываю Вадима ногами. Притягиваю еще ближе. Вадим ускоряется. Входит не только быстро, но и жестко. Так мощ-

но, что я кричу в голос. Его горячее дыхание еще сильнее обжигает шею. Вадим просовывает руки под меня, забирает вообще весь контроль над моим телом. его движения наоборот становятся беспорядочными, резкими. Я теряюсь в ощущениях. Не могу ни о чем думать. Пружина все сильнее сжимается внизу живота.

Мне нужно совсем чуть-чуть и… мир разлетается на осколки. Как и я. Перестаю ощущать себя и в то же время горю. Не могу дышать. Дрожу так сильно, что почти не чувствую несколько последних толчков. Хриплый стон доносится со меня. Вадим замирает, жар разливается внутри. Несколько секунд, и Вадим придавливает меня к сиденью своим телом. Я полностью расслабляюсь и отпускаю ремень безопасности. Обнимаю Вадима за плечи. Он легко целует меня в висок. Нам обоим требуется время, чтобы перевести дыхание. Я поглаживаю по мускулистой спине. Его сердце сильно и быстро у моей груди. Или это мое? Неважно. Главное, мне так хорошо, что думать не хочется. Не говоря уже о том, чтобы куда-то ехать.

Ехать… Черт, мы же в машине. Непонятно где. И непонятно, кто может нас увидеть. Черт!

Видимо, Вадима посещают те же мысли, потому что он выходит из меня, снимает презерватив, завязывает и бросает его на пол. Но вместо того, чтобы встать, перекатывается на сиденье и укладывает меня сверху.

— Нам нужно возвращаться, — сиплю я, даже не пытаясь

подняться.

— Две минуты, и поедем, — дыхание Вадима успокаивается, а я крепче прижимаюсь к его груди. Веки становятся тяжелыми, и я их закрываю.

Сквозь сон чувствую, какие-то движения рядом. Они напоминают метания. Не могу понять, это сон или же нет. Усталость такая сильная, что наваливается на меня, не давая открыть глаз. Темнота зовет к себе. Она напоминает трясину, которая быстро затягивает, накрывает с головой. Становится сложно дышать. Открываю рот. Пытаюсь сделать вдох. Не могу! О боже, я не могу! В груди жжет! Горло болит!

Распахиваю глаза. Вижу голубые глаза Вадима. Жестокие. Безжизненные. Пустые.

Это был не сон!

Вадим нависает надо мной. Сжимает мое горло. Лишает меня дыхания. И похоже… жизни.

Глава 11

— Вадим, — хриплю я.

Пытаюсь оттянуть его руку. Бесполезно. Он держит крепко. Не отпускает.

— Вадим, — впиваюсь ногтями в грубую кожу.

Не помогает. С ним что-то не так… Взгляд невидящий.

Луплю кулаками по запястью. Сильно. Что есть мочи. Не помогает.

Легкие горят. Руки трясутся. Кожа покрывается холодным потом. Глаза наполняются слезами. Но продолжаю бить. Пытаюсь брыкаться, сопротивляться, выгибаться. Бесполезно. Вадим своим весом вдавливает мое тело в сиденье. Как совсем недавно, но по-другому.

Все расплываться. Мысли становятся вязкими, не могу толком ухватиться ни за одну. Силы покидают.

Вадим душит. Отнимает у меня жизнь.

Пытаюсь сделать вдох. Не могу. Воздух не попадает в горло.

Собираю последние силы. Сжимаю запястье. Пытаюсь оторвать руку от шеи. Безрезультатно. Хватка как была железной, такой и остается.

— Вадим, — мой голос тише шепота.

Смотрю на мужчину, с которым совсем недавно чувствовала себя в безопасности. Почти не вижу его. Какой же ду-

рой я была! Теперь пришла пора поплатиться.

— Пожалуйста, отпусти, — произношу я тихо. Почти беззвучно.

Слабость наполняет тело. Тьма окутывает сознание. Забытье зовет в свои объятья.

Там нет боли. Нет страха. Только пустота.

Пальцы соскальзывают с запястья Вадима. Руки съезжают по сторонам. Глаза закрываются.

«Пожалуйста», — пытаюсь сказать я, но не уверена, что губы двигаются.

Темнота забирает меня.

***

— Таня… — доносится, откуда-то издалека.

Отмахиваюсь от раздражающего голоса, стараюсь погрузиться глубже в темноту.

— Таня! — звучит громче.

Слышу звон в ушах.

Жжение разливается по щеке.

Я делаю глубокий вдох.

Легкие жжет. Кажется, они вот-вот сгорят. Хочу скрутиться калачиком, чтобы немного облегчить агонию. Но не могу пошевелиться. Конечности не слушаются. Да, и глаза не открываются. Только где-то внутри зарождается стон и вырывается из меня. Звучит глухо, и в то же время где-то очень близко.

Горло саднит. Веки тяжелые. Тьма все еще не отпускает.

Кажется, что я плаваю на поверхности сознания. Застряла между сном и реальностью, а выбраться наружу не могу.

— Давай же, — меня кто-то встряхивает.

Боль разносится по всему телу. Становится еще острее. Скручивает внутренности.

Втягиваю в себя воздух и сразу же жалею. Горло пылает. Огню, который уже давно завладел легкими, будто подбросили дров. Тело покрывается потом.

— Давай же, открой глаза, — волнение отчетливо слышится в хриплом голосе. На щеку ложится грубая ладонь. — Давай же! — а это уже приказ, но почему-то я его слушаюсь.

Веки будто клеем залили. Пытаюсь их разлепить. Это дается мне с огромным трудом. Приходится пробовать несколько раз. В итоге, справляюсь. Тусклый свет режет глаза. Моргаю. Еще раз. Перед взором плывет. Проходит несколько долгих секунд, прежде чем я начинаю видеть более или менее четко. Встречаюсь с голубыми глазами, наполненными тревогой. От их яркости почти ничего не осталось. Сейчас в них плещется лишь тьма. В такой же я тонула совсем недавно.

Тело все еще не слушается. Дышать получается через раз. Каждый вдох отдается в теле не только слабостью, но и приступом боли. Горло саднит так, будто я недавно съело перец-чили. В легких вообще пожар. А кости ломит, словно их переломали.

Меня машина сбила, и я чудом выжила?

Надо мной раздается вздох облегчения.

Боль в шее становится почти невыносимой. Хочется хоть как-то ее облегчить. Поворачиваю голову и вижу руку…

Воспоминания моментально возвращаются. Глаза расширяются. Рот открывается в немом крике. Тело наполняет паника. Непонятно откуда берутся силы. Начинаю брыкаться. Пытаюсь отползти. Но Вадим сильнее. Он надавливает руками мне на плечи. Снова вжимает в сиденье.

— Пусти, — хриплю я, голос почти не слышен. — Пусти, пусти, пусти…

Вадим без промедления отрывается от меня. Садиться на сиденье около противоположной дверцы. Я сразу же отползаю от него. Вжимаюсь в угол. Подтягиваю к себе ноги. Обнимаю их. Глаза наполняются слезами. Страх завладевает телом. Меня трясет. Зубы стучат. И чем больше я пытаюсь их сжать, тем громче звучит треск.

Слезы льются по щекам. Я не пытаюсь сдержать их. Да даже если бы хотела не смогла. Впиваюсь взглядом в свои голые колени. Не могу пошевелиться. То и дело всхлипываю. Наблюдаю за слезинками, которые одна за одной подают на колени и стекают, куда им вздумается.

Боже, что я такого сделала? Это расплата за распутство? Антон был прав?

— Таня… — голос Вадима едва слышен.

Вздрагиваю. Поднимаю взгляд. Очередной всхлип срывается с губ, когда я встречаюсь с голубыми глазами Вадима,

которые затопила вина.

Он откинулся на сиденье, но при этом смотрит на меня. Его брови сведены к переносице, а губы поджаты. Глубокая морщинка залегла на лбу. Сильнее прижимаю ноги к себе, и пытаюсь максимально слиться с дверцей.

— Прости, — всего одно слово, произнесенное хриплым голосом, срывает последние оковы самоконтроля, которые у меня оставались.

Поток слез застилает глаза. Взгляд размывается. Влага льется по щекам. Прикасаюсь к шее, и тут же одергиваю руку. Кожа горячая. Запоздалый озноб выстреливает и несется по всему телу, не забывая задеть каждое нервное окончание. Это становится спусковым крючком.

Сажусь ровно. Ноги ставлю на пол. Боль, которая пытается завладеть моим телом, игнорирую. Опускаю майку. Приподнимаюсь и привожу в порядок юбку. Осматриваюсь. В тусклом свете почти ничего не видно. Но я все-таки нахожу пиджак на полу. Рядом с клатчем и презервативом. Прикрываю на мгновение глаза. Делаю вдох, который тут же отдается пожаром в легких. Но не поддаюсь ему. Поднимаю свои вещи. Бросаю клатч на колени. Надеваю пиджак и застегиваю каждую пуговицу. Жаль, что у него нет ворота.

— Таня, — голос Вадима звучит жестче. Радует одно — он не пытается меня коснуться.

Хватаю клатч. Дергаю за ручку дверцы, но она не поддается. Дергаю еще раз. Еще. И еще. Только спустя хрен знает

сколько попыток, вспоминаю, что Вадим запер машину.

— Выпусти меня, — сиплю, и не только потому что голос не хочет меня слушаться. Впиваюсь в Вадима злым взглядом. Он спокойно сидит на своем месте и с печалью в глазах смотрит на меня. Только сжатые кулаки выдают накал эмоций, которые бурлят в нем. Но мне плевать на его чувства. Не хочу знать, почему чуть не убил меня поступил. Не хочу. Все, что мне нужно — уйти. Сейчас же!

— Сначала мы поговорим, — произносит Вадим сурово, все еще не сводя с меня глаз. — А потом я отвезу тебя во дворец.

— Хрена с два! — сипло бросаю я, крепче сжимая клатч в руках. — Ты выпустишь меня! Прямо. Сейчас!

Глава 12

— Нет, — короткий жесткий ответ вызывает во мне гнев, который смешивается с болью и отключает инстинкт самосохранения.

— Тебе мало… — тяжело дышу, — … мало того, что ты меня чуть не убил? — перевожу дух, прикрываю глаза, прежде чем снова посмотреть на Вадима. — Теперь еще мучать собираешься? — выгибаю бровь.

Вадим щурится, будто ему больно. Но всего мгновение. В следующее — на его лице больше нет эмоций. Совсем.

— Таня, послушай… — он говорит твердо, но я поднимаю руку.

— Нет, это ты послушай, — мой голос хоть сипит и звучит тихо, но в нем слышна уверенность. Пальцы сильнее впиваются в клатч. Я распрямляю плечи. — Мне плевать, что там на тебя там нашло, — замолкаю, успокаивая горло. — Я не хочу знать, почему ты душил меня. — глотаю, превозмогая боль. — Знаю одно: ты меня чуть не убил. — горло дерет, но я не могу остановится. Еще чуть-чуть и все. Я лишилась бы жизни. Причина не важна. От нее не станет легче, — едва втягиваю в себя воздух. —Все, чего я хочу сейчас — оказаться от тебя как можно дальше. И перестать наконец бояться, — на последний словах голос дрожит, показывая истинные эмоции, которые я пыталась запихать подальше.

Закусываю губу, чтобы снова не разреветься. Позже. Нужно еще немного подождать, и я дам волю чувства. А пока я должна оставаться сильной. Для себя самой.

Вадим долго смотрит на меня. Я тоже не отвожу глаз. Он натянул на непроницаемую маску. А я даже не пытаюсь сделать тоже самое. Показываю ему все. Слезу, которая катится по щеке, тоже не вытираю. Мне нужно, чтобы Вадим понял — я не могу оставаться рядом с ним.

— Хорошо, — кивает он. Но едва я успеваю расслабиться, как Вадим дополняет: — Мы поговорим позже. А сейчас я отвезу тебя во дворец.

— Доберусь сама, — тянусь рукой за спину, но даже не успеваю дотронуться нее, как замечаю движение рядом.

Молниеносно вжимаюсь в металл, обитый кожаной тканью. И только спустя пару мгновений понимаю, что Вадим не пытается притронуться ко мне. Он протискивается между передними сиденьями и занимает место водителя. Я даже пискнуть не успеваю, как он заводит двигаетесь и задом выезжает из переулка.

Думаю, возразить, попросить остановиться, но понимаю — бесполезно. Почти также, как пытаться избавиться от его руки, сдавливающей мое горло. Дрожь проносится по телу. Еще бы чуть-чуть…

Взгляд снова размывается, и я понимаю, что не могу больше бороться. Силы, которые взялись из непонятно каких резервов, заканчиваются. У меня едва получается пальцем по-

шевелить. Поэтому откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза. Дышу размеренно, но все равно чувствую жжение с каждый вдохом. Глотать вообще стараюсь как можно реже. Режущая боль в отекшем горле, проносящаяся по телу с очередным глотком, заставляет жалеть, что доверилась Вадиму.

Размеренное покачивание автомобиля успокаивает. Сон подбирается ко мне незаметное. Дыхание становится глубже и реже, уменьшая боль. Тело расслабляется. Я чувствую умиротворение. Но ненадолго.

Перед взором появляются ярко-голубые, невидящие глаза. Меня тут же выталкивает из сна. Резко выпрямляюсь, и замечаю эти самые глаза в зеркале заднего вида. Дыхание перехватывает. Хватаюсь за юбку. Пытаюсь вжаться в сиденье. И только через мгновение понимаю, что Вадим достаточно далеко. Нас разделяет, как минимум, сиденье. Да и, он ведет машину. Ему точно потребуется время, чтобы ее остановить.

Этих доводов хватает, чтобы начать успокаиваться. И даже дрожь немного проходит. Ровно до того момента, пока я не вижу приближающийся дворц. Не вовремя вспоминаю про Лизу. Господи! Пусть она спит. Пожалуйста. Не хочу сейчас никого видеть. Даже Лизу.

Вадим легко преодолевает кованные ворота — они сами открываются перед ним. Едет по ровной дороге. Фонари у обочины светятся прямо из полотна газона. За окном мелькают пальмы, несколько статуй вдали и пару движущихся силуэтов. Вот только все это слишком быстро исчезает, в ма-

шина тормозит у главного входа во дворец.

Охранников не видно. Хотя что-то подсказывает мне — они пристально следят за входом. Отрываю себя от спинки. Хватаюсь за ручку на двери. Делаю глубокий вдох. Боль стреляет по всему телу, но это не останавливает меня. Пытаюсь открыть дверь. Закрыта! Смотрю в зеркало заднего вида, где, конечно же, вижу голубые глаза, пристально следящими за мной.

— Я попрошу шейха прислать к тебе врача, — четко, отделяя каждое слово, произносит Вадим.

— Даже не думай, — страх, что кто-то узнает о случившемся, смешивается с желанием убежать от человека, который чуть не стал моим палачом. — Я в порядке, — осекаюсь, — или буду, — Тяну ручку. Все еще закрыто. — Открой.

Вадим все еще смотрит на меня через зеркало, но шуршание одежды я все-таки слышу. После чего раздается писк. Я тут же дергаю за ручку. На этот раз дверь поддается. Выбираюсь из машины слишком быстро и, конечно же, спотыкаюсь. Только то, что хватаюсь за дверцу, помогает мне не упасть.

Вадим тут же оказывается рядом. Хочет помочь. Или поддержать. Но его рука замирает над моим плечом. Я тут же отскакиваю от него, как ошпаренная. И смотрю на нахмуренное лицо.

— Спасибо, что подвез, — выдавливаю из себя и медленно разлепляю пальцы. Понимаю, что уверенно стою на ногах и только после этого отпускаю дверцу полностью.

Делаю первый шаг. Колени немного не слушаются, но все-таки держат меня. Еще шаг. На этот раз, вроде, получается лучше. Поэтому на ватных ногах я продолжаю идти дальше на ватных ногах. Спокойно добираюсь до лестницы. Вот с ней мне приходится потрудиться. Но бетонные перила помогают. Хоть медленно и с одышкой, которая перестает в жгучую боль, поднимаюсь наверх.

— Таня, — доносится до меня голос сзади, когда я открываю входную дверь дверца. Замираю. — Прости меня. Я не хотел, — слова Вадима наполнены искренностью.

Но мне все равно. Пошел он в жопу со своим «прости».

Захожу в дворец, не оглянувшись.

Глава 13

Противная трель раздается у самого уха. Я пытаюсь отмахнуться от надоедающего звука. Нащупываю одеяло и натягиваю на голову. Не помогает. Звук хоть приглушается, но до конца не исчезает, продолжая действовать мне на нервы.

Набираю в грудь воздух, чувствуя жжение внутри, и протяжно выдыхаю. Откидываю одеяло до пояса. Мне еле удается разлепить глаза, настолько тяжелые веки, но непрекращающаяся трель становится отличным стимулом.

Сажусь на кровати и как только справляюсь с резью в глазах из-за солнца, бьющего в окно, начинаю шарить по простыне. Телефон нахожу под подушкой. Даже не помню, как я туда его засунула. Вчера, смыв с себя запах Вадима и выплакав все слезы, я свернулась калачиком, даже не надев ночнушку, после чего сразу вырубилась. Даже не позаботилась о пострадавшем горле. Похоже, зря — оно отекло. Каждый глоток дается мне с трудом.

Телефон, который на секунду замолчал, снова начинает звонить в руке. Я смотрю на экран и хмурюсь. Что могло произойти?

— Да, — голос хрипит так сильно, что больше напоминает мужской.

Видимо, на другой стороне тоже так думают, потому что молчание затягивается.

— Аллочка, — я прокашливаюсь, но это плохо помогает. — Что случилось?

— Таня? — сомнение звучит голос пухленькой, русоволосой девушки-администратора, которая уже несколько лет работает у моих родителей в мастерской. — Ты в порядке?

— Да, просто простыла, — прикрываю глаза из-за явной лжи, разливающейся виной по груди. — Ты чего звонишь?

Слышу в трубке шуршание пакета, а потом хруст. Сразу понимаю — чипсы. Явно произошло что-то серьезное, раз Алла, которая вечно сидит на диете, решила вернуться к гадости.

— Твои родители меня убьют, если узнают, что я тебе позвонила, — произносит она, жуя.

Я удобнее сажусь на кровати, подтягивая под себя ноги.

— Рассказывай, — кривлюсь от своего голоса, который теперь напоминает скрип ржавой двери.

Алла вздыхает.

— У них проблемы. Они не хотели тебя беспокоить. Но я считаю, что ты должна знать. Тем более… — она замолкает.

— Тем более… — подталкиваю я, крепче сжимая телефон.

— Твоих родителей попросили найти новое помещение в течение месяца, иначе сами пришлют рабочих, чтобы их выселить, — произносит Алла на одном дыхании.

Замираю. Антон. Точно он! Твою же мать! Он же предупреждал, что доберется до меня, где бы я не была. Но, похо-

же, не получилось. И он решился взяться за моих родителей.

— И-и-и… — Алла снова прерывается.

— Говори уже, — произношу грубее, чем хотелось бы. Но меня уже достали все эти недоговорки.

— Каждый день приходят люди и напоминают твоим родителям, что часики тикают, — Алла сглатывает. — Светлана Петровна вчера не выдержала. Ее увезли в больницу.

Вскакиваю с кровати. Игнорирую небольшое головокружение.

— Как она? Что с ней? — плевать на боль в горле.

Несусь к шкафу, принимая решение молниеносно.

— Уже лучше. Сказали, что она упала в обморок, потому что перенервничал. Но ей настоятельно рекомендовали остаться на пару дней в больнице для наблюдения, — Алла снова забивает рот и хрустит. — Сегодня мы закрыты, — шипение открывающейся газировки следует за словами Аллы — вот и кола подъехала.

Открываю дверцу шкафа и замираю. Блин, придется поговорить не только с Лизой, но и шейхом.

— Поняла тебя. Спасибо, что позвонила. Скоро буду. Пока, — тянуть за бежевым кружевным платьем в пол, висящим среди другой одежды.

Уже хочу отключить вызов, когда слышу неуверенный голос:

— Только не говори им, что это я тебе сказала.

Ага. Будто они сами не догадаются.

— Не скажу, — прикрываю глаза и беру с полки шале, почти такого же цвета, как платье, только темнее. — Пришли мне сообщением адрес больницы, в которой находится мама. Я вылечу сегодня. До скорого.

Сбрасываю вызов, пока Алла не нашла, чем еще можно меня добить еще какой-нибудь новостью. Тем более из-за жжения в горле, последнее, что мне хочется — разговаривать.

Возвращаюсь к кровати. Бросаю на нее телефон и шале. Надеваю платье. Боюсь смотреть на себя в зеркало. Особенно, страшно увидеть шею, поэтому использую шале вместо шарфа, чтобы прикрыть синяки, и нагибаюсь за чемоданом, лежащим под кроватью. Задерживаюсь только для того, чтобы заказать онлайн билеты на ближайший рейс, а потом начинаю собирать вещи. Беру только самое необходимое в надежде, что скоро вернусь и работа меня дождется. Поэтому, когда я застегиваю молнию, чемодан оказывается полупустым. Напоследок завязываю волосы в гульку, обуваю белые балетки и выхожу в коридор. Чтобы спустить чемодан на первых этаж, не приходится прилагать много усилий. И я еще раз благодарю себя за предусмотрительность.

С холла сразу сворачиваю на кухню и оттуда выхожу на террасу.

Лизу в голубом платье и Абду в национальном одеянии нахожу за круглым столом, заставленным разной едой и сервированным почему-то на четверых. Взгляд падает на мои

любимые панкейки, клубнику и сливки. Но вместо голода желудок сводит от нервозности. Абду сидит ко мне лицом, поэтому первым замечает мое приближение. Лиза тоже оборачивается почти сразу.

— Доброе утро, — произношу сиплым голосом по-арабски, подходя к ним.

Лиза тут же хмурится.

— Что с тобой? — в ее голосе звучит неприкрытое волнение.

— Простудилась, — второй раз ложь дается легче. Зато от вины избавиться не получается. — Шейх Раджан, прошу прощения, мне срочно нужно уехать. Мне очень жаль, что подвожу вас. Я должна вернуться в Россию. Надеюсь, что в скором времени решу возникшую проблему и вернусь.

— Что случилось? — Абду кладет приборы на стол и откидывается на спинку плетеного кресла.

— У родителей трудности, — хмурюсь, понимая, что за этим последует. — Они не справятся без моего вмешательства.

— Могу я чем-то помочь? — Адбу опережает Лизу, которая уже открыла рот.

— Спасибо за предложение, — сжимаю ручку чемодана. — Если не смогу решить вопрос сама, то обязательно обращусь.

— Мы скоро полетим в Москву, — Лиза пристально смотрит на меня и тоже говорит по-арабски. — Может, немного

подождешь и полетишь с нами?

— Не могу. Мама в больнице, — я не хотела этого говорить, зная, что Лиза будет волноваться. И была права.

Подруга вскакивает с плетеного кресла и тут же оказывается рядом.

— Что случилось? Как она? Я могу помочь?

Беру Лизу за руку и легко сжимаю. Но вот ничего сказать не успеваю.

— Давай мы тебе самолет подготовим, — подруга оборачивается. — Абду, можем?

Прежде, чем они зашли слишком далеко, решая мои проблемы без моего согласия, я тяну Лизу за руку.

— Не нужно, я уже купила билеты. Рейс через два часа, — говорю быстро. Не хочу напрягать ни подругу, ни ее мужа. Они и так очень много для меня делают, а я их подвела.

— Попрошу охрану отвести тебя в аэропорт, — Абду тоже встает и направляется в дом.

— Только не Вадима, — говорю и прикусываю язык. Конечно же, я сразу же зарабатываю подозрительный взгляд не только Лизы, но и Абду.

Но если Абду просто кивает и уходит, то от подруги так просто отделаться не получается. Она внимательно изучает мое лицо. А я понимаю, что не зря прикрыла шею. Если бы Лиза увидела безобразие, которое с ней твориться, то точно не слезла бы с меня, пока не узнала правду.

— Он уехал еще ночью. Проблемы на работе, — произно-

сит она вкрадчиво, словно ждет моей реакции. Я чувствую лишь облегчение, которое сложно скрыть. — У вас что-то случилось?

Поспешно мотаю головой и резко останавливаюсь, надеясь, что этим не выдала себя.

До нас доносятся шаги, и Лиза переводит взгляд на дверь кухни. А я благодарю Бога за то, что могу не отвечать.

Лиза вытаскивает руку из моих пальцев, поворачивается к креслу и поднимает шале, которое, оказывается, лежало рядом с ней. Накидывает его на голову как раз вовремя, потому что на террасу выходит охранник-араб с бородой и в черном костюме. Он кивает мне, склоняет голову перед Лизой и подходит ближе.

— Машина готова, — он забирает у меня чемодан. — Мы можем ехать.

— Я провожу, — теперь уже Лиза берет меня за руку.

Мы первыми входим в дом, охранник идет следом. Пересекаем злосчастную кухню, которая моментально вызывает у меня воспоминания о нашей с Вадимом встречей, и выходим в холл.

Вижу Абду. Он разговаривает у своего кабинета с огромным мужчиной в белой рубашке и белых брюках. Его лицо покрывает щетина. Его длинные темные волосы собраны в хвост.. Мужчина выше Абду больше чем на голову и шире в плечах, но несмотря на это между этими двумя чувствуется дружелюбная атмосфера. Уголки губ шейха ползут вверх,

когда незнакомец ему что-то говорит.

Когда мы приближаемся, мужчины сразу прекращают разговор. Адбу ободряюще улыбается мне, как бы говоря, что я могу не волноваться. Его собеседник сначала проходится по мне с ног до головы взглядом, после чего тоже кивает. Я отвечаю взаимностью обоим.

— А это кто? — шепчу Лизе на ухо, стоит нам выйти на улицу.

— Александр. Он только сегодня прилетел, — Лиза усмехается. — Абду рассматривает его в качестве нового транспортировщика нефти, — она бросает подозрительный взгляд на меня. — Кстати, это брат Вадима.

Глава 14

Поворачиваю ключ в замочной скважине, открываю металлическую дверь и сразу окунаюсь в знакомую атмосферу. Бежевые обои с белыми цветами, деревянный комод с обувью и шкаф из того же комплекта встречают меня в узком пространстве. Снимаю балетки и прохожу по длинному коридору мимо гостиной, прикрытой дверьми с матовыми стеклами до самого конца, где находится ванна. С одной стороны коридора спальня родителей. Вижу подножье кровати, идеально ровно заправленное бежевым пледом и балконную дверь, завешенную прозрачной тюлью. С другой стороны — моя комната. И она закрыта.

Стоит мне открыть дверь и зайти внутрь, сразу чихаю.

Серые обои. Серый пушистый ковер. Серый шкаф.

Я и забыла, какая моя комната на самом деле унылая. Идеально отражает меня в прошлом.

Письменный стол, на котором стоит старенький стационарный компьютер, покрыт пылью. Скорее всего, у мамы не было времени протереть его из-за занятости на работе. Кровать заправлена темно-серым пледом. Полка над ней заставлена книгами на разных языках. Они тоже в пыли. Уверена, приличный слой этой дряни находится и на шкафу у окна.

Я не переодеваюсь, хотя кружевное платье не совсем подходит для Московской погоды. Оставляю чемодан у стены,

вытаскиваю из шкафа кожаную куртку. Надеваю ее и нахожу на полке кепку. Она тут же оказывается у меня на голове. Переобуваюсь в кроссовки и выхожу из квартиры.

Такси приезжает через десять минут, а я все равно успеваю продрогнуть. В Москве по сравнению с Дубаем зябко. Облизываю пересохшие губы после того, как называю водителю адрес больницы.

Откидываюсь на спинку заднего сиденья и смотрю в окно. По дороге мелькают панельные многоэтажки, продуктовые магазины, деревья и… снова деревья. Людей, несмотря на середину рабочего дня, очень много. Мы проезжаем парк, в котором вижу заполненную детьми площадку. В Дубае такого не встретишь. И если честно, я надеялась, что не скоро моя жизнь вернется в «привычное русло».

Но выбора в любом случае нет, поэтому нечего сожалеть. Сейчас нужно собраться с мыслями и решить проблему, а не сетовать про «несправедливость жизни».

Где-то через полчаса такси останавливаться у входа в больницу. Я быстро забегаю по ступенькам внутрь. Запах лекарств чуть не сбивает с ног. С детства ненавижу его. Раньше, когда я приходила навещать бабушку, он впитывался в одежду, и от него невозможно было избавиться. Даже стирка плохо помогала. Тем более у мамы на нее почти не оставалось времени: работа одна, вторая, а каждый вечер — в больницу. Когда бабушки не стало, нагрузка у мамы так и не уменьшилась. Мне иногда казалось, что она похоронила

себя на работе.

Только спустя пару лет она смогла уволиться с ненавистных работ и заняться тем, что ей действительно нравится — пошивом одежды на заказ. Ей даже удалось открыть свою швейную мастерскую. Папа занимался ремонтом обуви, и они с мамой объединили усилия. Уже много лет особых проблем не было. А около года назад родители переехали в помещение побольше. Но, кажется, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Хотя это мы еще посмотрим.

В «столе для справок» у девушки в белом халате узнаю, куда идти, чтобы найти терапевтическое отделение. Мне даже карту рисуют от руки, чтобы я не заблудилась в лабиринтах коридоров. В моем детстве такого «сервиса» не было. Помню, однажды я чуть не потерялась. Если бы не добрая пожилая медсестра, не знаю, сколько плутала по коридорам с множеством дверей.

Сегодня же я просто следую инструкции. Поднимаюсь на лифте на четвертый этаж. Металлические двери разъезжаются передо мной. Я оказываюсь в небольшом светлом холле с двумя противоположными дверьми. Они обе открыты и ведут в другие коридоры. Указатели на стенах помогают сориентироваться, куда мне идти..

Я сворачиваю вправо. Вот только у самого входа торможу, потому что на белой двери замечаю надпись, напечатанную на обычным листе «Не забудьте надеть бахилы». Оглядываюсь и нахожу специальный автомат. Карты он не принимает.

Хорошо, что в кармане куртки завалялось несколько монеток, поэтому не проходит и минуты, как я при каждом шаге шуршу по линолеуму.

Пост медсестер нахожу в углублении коридора. Две молоденькие брюнетки в белых прозрачных шапочках сидят за большим столом, отделенным стеклянной перегородкой, и о чем-то щебечут. За их спинами стоит огромный шкаф с множеством пронумерованных отделений. На столе вижу коробки с таблетками, шприцы и капельницы. Как только я подхожу, девушки сразу же замолкают. Я напрягаюсь от пристального внимания. Но неприятное ощущение быстро проходит, когда я, узнав номер палаты, иду дальше.

Белая дверь, за которой находится моя мама, ничем не отличается от соседних, кроме того, что напротив нее у противоположной стены стоит одинокая лавочка со спинкой и мягкой обивкой. У меня проскальзывает мысль, сесть на нее, чтобы немного успокоится. Если скручивающийся при каждом вздохе желудок мама может не заметить, то дрожь в руках от нее не скроется. А еще шея. Хорошо, что я не додумалась снять шале. За время перелета голос немного пришел в норму, а вот следы от пальцев на коже начали темнеть. Но, к сожалению, небольшую передышку взять не получается. Дверь в палату открывается, и на пороге появляется папа. У него в руках кружка с нарисованным на ней солнцем. Когда-то очень давно я сделала ее сама. Тогда еще увлеклась гончарным делом. Пока меня не было дома, у папы добави-

лось седых волос. Теперь их стало больше, чем темных. Зато серый спортивный костюм отлично ему подходит. Несмотря на возраст, папа в хорошей форме, только «пивного» животика ему избежать не удалось.

Его голубые глаза, не такие яркие как у Вадима, расширяются, а брови приподнимаются.

— Таня… — папа расплывается в улыбке.

Делает шаг вперед, одной рукой притягивает меня к себе. Обнимаю его в ответ, кепка козырьком ударяется в широкую грудь, поэтому приходиться повернуть голову. Именно тогда я слышу слабый мелодичный голос:

— Стас, я не ослышалась? Ты сказал: «Таня»?

Отстраняюсь от папы.

— Нет, Людочка, не ослышалась, — он осматривает меня с ног до головы. — На пороге мнется наша дочь и боится зайти.

— Я просто собиралась с силами, — шиплю на папу, зыркаю на него, но вряд ли он замечает. Не только из-за кепки, а еще потому что разворачивается и направляется обратно в палату. Зато я вижу кое-что странное — папа хромает.

Больше не жду. Набираю полные легкие воздуха и делаю шаг внутрь. Смотрю под ноги, когда закрываю за собой дверь. Мне нужно хотя бы мгновение, чтобы подготовиться. Мама всегда была несгибаемой, а тут…

Снимаю кепку, встряхиваю волосы, поднимаю глаза.

Мама полусидит на кровати в двухместной палате прямо

у окна. Ее светлые, как у меня, волосы завязаны в высокий хвост, на лице ни капли макияжа. Поэтому в сочетании с морщинками и бледностью, мама кажется какой-то безжизненной. Зато нахмуренные брови и не намека на улыбку, напоминают, что мама все еще остается «главной» в нашей семье. Только я давно не ребенок. Она может сколько угодно прожигать меня взглядом, я все равно сама принимаю решения, касающиеся моей жизни.

Папа садится за стол у изножья кровати. Подальше от бури, которая, не сомневаюсь, должна начаться. У мамы нет соседки или, по крайней мере, она куда-то ушла, поэтому спокойно я подхожу ближе, не волнуясь о лишнем внимании.

— Что ты здесь делаешь? — грозно произносит мама, стоит мне остановиться около нее. Ни приветствия, ни проявления нежности. А мы не виделись больше трех месяцев.

Я робко улыбаюсь и тянусь к ее руке, которая лежит на одеяле, закрывающим ноги. Мама не пытается забрать у меня руку, что уже радует. Но радость длится ненадолго, потому что когда наши глаза встречаются, мне тут же хочется сбежать. Ее излюбленный пристально-осуждающий взгляд на меня все еще действует.

— Ты как? — стараюсь улыбаться, скорее всего, криво, но ничего с этим поделать не могу.

— Что ты здесь делаешь? — мама вытаскивает свою ладонь из-под моих и складывает руки на груди. Щурится. — Тебе Алла позвонила, так?

— Нет, — слишком быстро выпаливаю я и чувствую, как щеки заливает жар.

Да, блин, врать маме я так и не научилась. Как и остальным. Засовываю руки в карманы куртки и опускаю взгляд.

— Ясно, — на этот раз голос мамы звучит слабо, будто силы покинули ее, поэтому я быстро смотрю на нее. — Давно прилетела?

— Пару часов назад, — нащупываю в кармане еще несколько монеток и сжимаю их в кулаке.

Второй руке так не везет. Поэтому я просто впиваюсь ногтями в ладонь.

— Почему вы сами мне позвонили, когда появились сложности? — оглядываюсь на папу. Он делает вид, что его больше интересует содержимое кружки, чем происходящее в палате. Вздыхаю, и возвращаюсь взглядом к маме. — Это же из-за меня…

Мой голос еле слышен, но в тишине комнаты каждое слово звучит отчетливо.

— Ты не заставляла нас принимать помощь «зятя», — мама оттарабанивает каждое слово. — Мы сами разберемся с проблемами, которые создали себе.

— Мам…

Не успеваю закончить фразу, как слышу звук удара двери о стену. Оборачиваюсь и замираю.

На пороге стоит мой главный кошмар с букетом желтых роз, которые я ненавижу.

Глава 15

Господи! Как же холодно! Еле сдерживаюсь, чтобы не начать стучать зубами. Обнять себя руками — не вариант. Тогда я покажусь слабой. Все, что могу сделать — застегнуть куртку и натянуть кепку, а еще сесть на лавочку между двумя могучими дубами. Но это не помогает. Холод вызывает не только ветер, взлохмачивающий незафиксированные кепкой волосы и пробирающийся под одежду. Меня знобит намного сильнее из-за карих глаз на мальчишечьем лице. Цвет шоколада делает их обманчиво теплыми и нежными. Но я леденею, глядя на скрывающуюся в глазах Антона тьму. Светлая кожа и волосы делают ее еще более яркой, как и свитер с горлом молочного цвета. Ослепительная белоснежная улыбка не помогает убрать следы от гнева, которые остались у губ Антона в виде глубоких морщин. А ямочки… из-за них меня начинает мутить

— Не знал, что ты приехала, — Антон засовывает руку в карман серых брюк, а во второй крутит телефон. — Иначе бы принес цветы не только Людмиле Валентиновне.

Меня передергивает от одной мысли о желтых розах, которые Антон положил на стол рядом с папой, перед тем как я выпроводила его из палаты. Для этого пришлось согласиться на разговор.

— Что ты хотел? — перехожу сразу к делу и жалею, что

села на лавочку у входа в больницу. Приходится смотреть на Антона снизу вверх, давая ему иллюзию власти. Хотя, о чем это я… Власти у него и без меня достаточно.

— Какая неприветливая, — Антон качает головой, но тут же поворачивается на звук сирены проезжающей мимо скорой помощи. Она выезжает на проезжую часть и встраивается в поток машин. Все уступают ей дорогу, поэтому скорая быстро скрывается из вида, а у меня заканчивается минутка передышки.

Антон возвращает ледяной взгляд ко мне, кривится в полуулыбке и осматривает меня с ног до головы. Я в очередной раз благодарю себя за решение надеть кепку — он не видит моих глаз, в которых скрывается страх. В голове проносятся картинки нашей последней встречи, а щека наполняется фантомной болью того дня.

— Может, в кафе зайдем? — Антон бросает взгляд через дорогу, где на первом этаже жилого здания красуется надпись «Пиццерия «Полночь»», после чего передергивает плечами. — Холодно.

Это выглядит так наигранно, что мне хочется фыркнуть.

— Говори, — складываю руки на груди, пытаюсь отодвинуться как можно дальше, но рискую перевалиться через лавочку.

Он криво усмехается. Но веселье на касается глаз. Так всегда было. Почему раньше я предпочитала этого не замечать?

— Ты мне нужна, — выдает он расслабленно, чем выбивает из меня весь воздух.

Мысли превращаются в желе. Я не могу сказать ничего связного, только смотрю на Антона. Хорошо, что козырек кепки скрывает мое смятение. Оно длится недолго. В следующий момент растерянность сменяется гневом. Из-за нее волоски на руках встают дыбом, а челюсти сжимаются.

— Что ты куришь? — сарказм вырывается из меня, но я не жалею.

Медленно встаю, снимаю кепку и заглядываю в ненавистные глаза, которые становятся еще холоднее. Антон больше не пытается изобразить «хорошего парня». Да и ни к чему. Я видела его истинное лицо. Теперь же, когда на нем больше нет подобия улыбки, Антон напоминает зверя. Но я не боюсь, хоть и могу пострадать! Хватит! Больше никому не позволю навредить мне!

— Следи за словами, — рычит он и надвигается на меня, оскалившись.

Мне приходится еще сильнее поднять голову, чтобы не прерывать зрительного контакта. Тушеваться перед ним и прятать глаза я точно не буду.

— Это ты мне говоришь? После всего? — заправляю волосы за ухо и показательно веду пальцем по скуле. — После последней нашей встречи она была синяя.

Мимо нас проходят люди, но я даже не пытаюсь понизить голос. Плевать, если кто-то услышит. Плевать, если узнают.

Я больше не собираюсь бояться. Никого!

Зато, кажется, Антона волнует мнение окружающих, потому что он оглядывается по сторонам, прежде чем прошипеть мне в лицо:

— Закрой рот!

— И почему я должна это делать? — вздергиваю бровь, крепче сжимая козырек кепки. Вот бы ей ему по голове настучать. Идеально бы вышло. Я бы отыгралась от души.

— Я думаю, ты не просто так срочно приехала… аж из Дубая, — Антон хмыкает.

Странно, что я еще не скриплю зубами.

— Ты довел мою маму до больницы, — сжимаю кулак, изо всех сил борясь с желанием, разукрасить смазливую физиономию.

— Я же предупреждал, — он поднимает руку и проводит костяшками по той самой скуле, по которой ударил кулаком, когда я посмела возмутиться, застав его с девушкой… в нашей постели. — Ты все равно будешь моей, куда бы не убежала.

— Не дождешься! — я отбрасываю его руку и делаю шаг назад.

Врезаюсь задней часть колена в край лавочки, но не чувствую боли. Меня заполоняет ярость. От нее стягивает кожу, и хочется рвать и метать. Вместо этого я делаю еще один вдох. Это плохо помогает успокоится, но по крайней мере, я могу говорить четко, без истеричных ноток.

— Оставь моих родителей в покое, — я вздергиваю подбородок и без страха снова заглядываю в глаза, в которые совсем недавно лишний раз боялась посмотреть.

— Я смотрю, кто-то распустил свой язычок, — Антон произносит, вроде, нежно, но рычащие нотки, пропитанные злобой, проскальзывают в его голосе.

Он делает шаг вперед, и я сразу же понимаю, что не готова подпустить его к себе. Поэтому переступаю через лавочку, чтобы между нами была хоть какая-то преграда.

— Антон, — я на всякий случай напрягаюсь, готовая в любой момент сорваться с места, лишь бы скрыться от него. — Я тебя по-хорошему прошу — отстань! И от родителей тоже. Знаю, что ты думаешь, меня некому защитить, но ты ошибаешься.

Перед глазами всплывает образ Вадима, но я прикрываю глаза и сразу же избавляюсь от него. Нет, в эту реку я еще раз не войду.

Антон усмехается и наклоняется над лавочкой.

— Если ты про шейха своего, — последнее слово он прямо выделяет, — то и на него найдется управа, — он резко выпрямляется. — А так мне не нужен ни он, ни родители твои. Мне нужна ты. И только.

Он улыбается кривой улыбкой, отчего появляются ямочки на его лице. Те самые, которые меня когда-то так привлекли. О них говорят, что это поцелуи ангела, но в случае Антона, кажется, — отметки от рогов дьявола. Причем одна

чуть глубже другой.

— Ты понимаешь слово «нет»? — засовываю руки в карманы куртки и нахожу те самые монетки.

Перед глазами проносится образ, как я запускаю одну из них Антону в глаз.

— В моем лексиконе нет такого слова, — он жмет плечами. — И предугадывая любые твои аргументы вроде «это наше с тобой дело, зачем родителей вмешивать» и так далее, сразу скажу, что я воспользуюсь любым рычагом давления. Плевать как, но ты будешь моей, — Антон улыбается еще шире. — И кстати, здание, в котором находится мастерская твоих родителей я выкупил, а срок договора аренды, как раз подходит к концу. Новый — мой представитель не заключит с «чужими людьми».

Монеты впиваются мне в ладонь, и я проявляю чудеса выдержки, чтобы не кинуть ими в этого самоуверенного козла.

— Я позвоню юристам, и мы еще посмотрим, насколько ты прав, — голос на удивление не дрожит от ярости. — Но даже если все так, мы просто найдем новое место для мастерской.

— Можешь что угодно делать, я воспользуюсь любым рычагом давления. Или предложу сумму за аренду в разы больше, чем вы себе сможете позволить, — Антон перешагивает через лавочку. Я едва успеваю отступить, чтобы не столкнуться с ним. Не хватало еще попасть в лапы зверю. Хорошо, что Антон просто останавливается напротив, избавившись

от преграды. — Таня, у тебя не получится так просто от меня отделаться.

Смотрю в его глаза, и понимаю — он не врет. Столько решимости в одном человеке я еще не встречала.

Мозг мечется. Перебирает варианты. Пытается найти выход. Но сдаваться и снова попадаться в тот же капкан, теперь уже зная, что меня там ждут только страдания и боль, я не собираюсь.

Не знаю, сколько проходит времени, но молчание начинает тяготить, кажется, не только меня. В глазах Антона появляется искра, видя которую, мурашки ужаса ползут по коже.

— Давай заключим сделку! — он делает шаг вперед, а я назад. — Три свидания. Всего три, и даже если после них ты не изменишь решение, твоих родителей я больше трогать не буду.

Глава 16

«Ладно, я согласна».

Бросаю телефон на кровать, вместо того чтобы запустить его в стену, и падаю лицом в подушку. Хочу утопиться в жалости к себе. За что? Вот за что?

Антон дал мне сутки. За время я почти не спала. Искала выход. Лизе тоже позвонила. И все напрасно. Десять адвокатов ответили, что ничего не сделать! Десять! Я даже с юристом Абду, который занимается его делами в Москве, проконсультировалась. Он, как и остальные, только развел руками.

Антон имеет слишком большую власть. Точнее, его отец. Он владеет самыми ценными нефтяными месторождениями в России. «Любимый сын» не пошел по стопам папочки, выбрав для себя строительный бизнес. За четыре года отношений я была в офисе Антона всего один раз. И то только потому, что его срочно вызвали на работу из-за важного клиента, а мы в это время ехали к друзьям в гости.

Мне всегда казалось, что Антон — номинальный директор. Потому он больше напоминал не знающего реальной жизни мажора, но он относился ко мне… нормально. По крайней мере, в первое время. А потом я привыкла, что он есть в моей жизни. Или лучше сказать контролирует ее. Уйти я не решалась до последнего. Думаю, просто боялась остать-

ся одна. Ведь перед глазами был пример родителей. Они друг друга всегда поддерживали. Сложные времена переживались легче, потому что мама с папой были вдвоем. Вот и я держалась за отношения, которые изначально выглядели провальными. Антон любил тусовки в клубах, а я предпочитала ночью спать. Когда мы куда-то ездили вместе, мне хотелось посетить как можно больше мест, когда его первой остановкой был ближайший бар. Даже в таких банальных вещах, как еда, нам не удавалось найти что-то общее: я любила готовить дома, а Антон предпочитал питаться в фешенебельных ресторанах. Но любые мысли о расставании отгонялись мною при появлении таковых.

В последний год, мы стали жить вместе. И тогда ситуация стала еще хуже. Антон почему-то решил, что может контролировать не только куда мне ходить и с кем встречаться, но и что носить. Мой гардероб превратился в черно-серую, закрывающую все, унылость. Любое отхождение от указаний заканчивалось скандалом. Не дай Бог, я надену юбку короче колена или кофточка задерется до пупка. Самым легким наказанием было молчание. Антон мог не разговаривать со мной пару дней. Но случалось и такое, что он не возвращался домой в течение недели или даже двух, а когда я звонила сбрасывал вызов. А еще он мог запереть меня дома , забрав с собой все ключи. Или… нет, не хочу вспоминать.

Поездка в Дубай изменила все. Хотя Антон как только не манипулировал мной, чтобы я от нее отказалась. Вот только

на что я ему не давала покуситься, так это на мою учебу.

В Дубае произошло сразу несколько вещей. Для начала, я почувствовала, что значит быть свободной. Банально: у меня появилась возможность пойти в любое место, куда захочу, не отчитываясь. А еще я увидела, как Абду относится к Лизе. Хоть жизнь подруги начала напоминать сплошные ограничения, вот только искренние чувства не скрыть. Но я-то дура, все равно вернулась к Антону, когда получила очередной пьяный звонок со слезами и признаниями в любви.

Мысль «А вдруг это я что-то не так делаю» разбилась о стоны какой-то шлюхи, которую Антон притащил в нашу квартиру. Забавно, что так он называл меня…

Телефон пиликает. Я поднимаю голову и вижу горящий экран. Хочется проигнорировать сообщение, но понимаю, что сейчас Антона лучше не злить. Поэтому тяжело вздыхаю, сажусь на кровати и беру телефон.

Мне даже не надо разворачивать уведомление. Все самое важное вмещается в одну короткую строчку.

Вот же гад! Он знает, что я ненавижу такие места! Решил проверить меня? Или что взбрело в его извращенную голову? Ну уж нет. С меня хватит!

Если Антон думает, что там сможет меня сломать, то ошибается. Прежней Тани больше нет, а новую — он точно не захочет держать рядом с собой.

Подрываюсь с кровати. И иду к чемодану. Лиза отдала мне часть своей одежды, когда поняла, что больше не сможет ее

носить. И кажется, одно платьице затесалось среди вещей, которые я взяла с собой.

***

Такси останавливается у клуба «Penthouse». Я выхожу и сразу понимаю — что-то не так. В стеклянных тонированных двойных дверях видно мое отражение. На окнах в пол мигают мелкие желтые огни, а у двойных дверей по обеим сторона стоят два темноволосых в черных костюмах, заложив руки за спину. Но не это привлекает мое внимание, а компания гогочущих мужчин, приходящихся по мне сальными взглядами, перед тем как зайти внутрь. Сразу же жалею, что поддалась порыву и надела черное платье, которые не только мой зад не прикрывает, но еще и с вырезом на боку, скрепленным золотыми металлическими звеньями цепи. Горло пришлось прикрыть шелковым платком, но все равно в сочетании с высокими каблуками мой наряд выглядит слишком откровенно. Кого я из себя строю?

Такси с визгом отъезжает, и меня обдает холодом осенней ночи. А может, именно клуб вызывает у меня мурашки? Куда Антон меня притащил?

Невольно перед глазами появляется Вадим, в голове звучит «эта ночь будет посвящена тебе». Стоило сказать ему, что я чего-то не хочу, он сразу же услышал. А человек, с которым мы столько лет были вместе, намеренно привел меня в место, которое я всей душой ненавижу.

Хватит! Они оба друг друга стоят!

Это первое «свидание». Нужно продержаться пару часов, и останется только два. А потом, по крайней мере, мои родители освободятся от монстра.

Расправляю плечи и иду ко входу. Каблуки стучат по асфальту, а после — по двум ступеням лестницы.

— Вход для девочек со двора, — охранник у правой двери, окидывает меня скучающем взглядом.

Хмурюсь. Кажется, какая-то ниточка ускользает от меня.

— Я — гость, — сжимаю в руке маленькую черную сумочку, висящую на плече. Цепочка врезывается в кожу, но я игнорирую легкий дискомфорт.

— Девушка, — второй охранник вскидывает густую бровь, — это мужской клуб.

Все сразу встает на свои места. Стискиваю зубы. Вот же козел! А я дура, что не погуглила и не узнала больше про это место. Решил испытать меня, да? Посмотрим, кто кого!

— Я должна быть в списке приглашенных… — запинаюсь, — или сопровождающих, — самой противно произносить это. — Татьяна Герасимова.

Охранники переглядываются, и тот, который сообщил мне про мужской клуб, лезет в карман брюк. Вытаскивает телефон. Водит по экрану пальцем, что-то ищет и, похоже, находит. Смотрит на своего коллегу. Кивает ему. Последний с нечитаемым выражением лица открывает мне дверь.

— Проходите, — грохочет он, отходя в сторону.

По позвоночнику снова ползут мурашки, и явно не от хо-

лода. Придется снова окунуться в атмосферу ада, которую всячески избегала. Но ничего. Я должна быть сильной.

Крепче сжимаю ремешок сумочки и захожу внутрь. Торможу на входе. Музыка гремит В нос врезается запах сигарет. Морщусь, подавляя тошноту. Темнота развеивается лишь подсветкой у стен и разноцветными софитами. Кожаные диваны стоят на приличном расстоянии друг от друга вокруг круглой сцены, где на пилоне танцует девушка с оголенной грудью, и битком забиты мужчинами. За ними находится мраморная стойка и пока пустые кресла. Морщусь, когда вижу официанток на каблуках и в нижнем белье с подносами. Чуть дальше замечаю барную стойку, но она наполовину скрывается за стеной.

Прямо у входа стоит блондинка-хостес с красными губами, которая подобрана в тон нижнему белью и резинке чулок. Больше на ней ничего нет. Если не считать туфель на шпильках, конечно же. С ее лица, на котором чересчур много макияжа, тут же спадает улыбка, когда она видит меня.

— Как тебя пропустили? — я даже сквозь оглушающую музыку слышу ее шипение.

— Татьяна Герасимова, проверьте, — указываю подбородком на планшет в ее руках.

Глаза девушки сужаются до узких щелочек, после чего экран на планшете загорается.

Ей требуется всего несколько манипуляций, чтобы найти нужную информацию, после чего она снова окидывает меня

взглядом, на этот раз заинтересованным.

— Иди за мной, — хостес грациозно разворачивается и шагает вглубь адской пасти, а мне ничего не остается, как следовать за ней.

Стараюсь смотреть себе под ноги, чтобы случайно не встретиться с похотливыми взглядами или обнаженными частями тела девушек. Поэтому вижу только стройные щиколотки на подсвеченной красным мини-сцене у стены. Хорошо, что нам не нужно далеко идти. Хостес останавливается и открывает передо мной темную, гладкую дверь. Прохожу внутрь. Только после того, как за мной закрывается дверь, и музыка приглушается поднимаю взгляд. В отделанный в коричневых тонах комнате сразу же натыкаюсь на Антона. Он одет во все черное и сливается с огромном диваном. А на его коленях извивается полуголая девица.

Вот только я ничего не чувствую. Наши глаза встречаются, а мое сердце даже удар не пропускает. Зато девушка оглядывается и замирает. Ее глаза расширяются то ли от удивления, то ли от страха. Я ободряюще ей улыбаюсь, прохожу в глубь и сажусь на пуфик возле стола, заставленного алкоголем и закусками. Только после этого замечаю окно с развешанными зелеными шторами, через которое отчетливо видно шоу на сцене.

— Хорошо ты устроился, — снимаю сумочку с плеча и кладу на стол. Тянусь к фруктовой тарелке, отрываю виноградинку от ветки и забрасываю ее в рот. При этом спина

напряжена.

— Не думал, что ты придешь, — у Антона заплетается язык.

Я-я-ясно! Когда он в таком состоянии, конструктивного диалога точно не выйдет. Хорошо бы избавиться от Антона раньше, чем он решит, что ему все дозволено. Сталкивались, знаем.

Девушка пытается слезть с его колен, но Антон хватает ее за бедра.

— Танцуй, — мямлит он. — Ты еще свое время не отработала.

Она снова оглядывается. Глаза танцовщицы наполнены сомнением. Мне становится ее жаль, но я не могу помочь. Иначе, боюсь, сама окажусь на коленях Антона. И все закончится, как тогда…

— Ты мне выбора не оставил, — хмыкаю я и нанизываю на шпажку кусочек сыра.

Но замираю, поднеся ее к губам. Пристальный взгляд Антона прожигает меня. Он вызывает желание сжаться или лучше убежать, но я держусь. Из последних сил.

— Тебе реально плевать на меня? — шепотом произносит Антон и сталкивает танцовщицу с коленей. Хорошо хоть на диван, а не на стол. — Вали отсюда, — бросает он ей, поднимаясь.

Танцовщица тут же пользуется возможностью и скрывается за дверью. Хлопок отдается эхом в ушах. Мне тоже хо-

чется последовать примеру девушки, но я сижу на месте. Наблюдаю, как Антон встает, врезаясь бедром в стол, со скипом толкает его. Скорее всего, собирается подойти ко мне, но он прилично надрался. Поэтому даже шаг сделать не может и падает обратно на диван. Откидывается на спину, чему я очень рада.

— Плевать, да? — в его взгляде читается отвращение. — Трахалась со своим шейхом в Дубае и про меня не думала.

Мои брови ползут вверх, а рот открывается. Возмущение заполняет грудь, посылая по ней вибрацию. Я готова сказать Антону, что он придурок, а потом вспоминаю Вадима. Я действительно забыла о бывшем, только виной тому не шейх.

Поэтому вместо того, чтобы начать спорить, я запихиваю в рот сыр, зубами сдираю его со шпажки и жую. Глотаю.

— Ты шантажом вынудил меня принять сделку. Заставил прийти на это свидание и думаешь, что мне должно быть не плевать на тебя? — снова тянусь к столу, на этот раз за колбаской. Сырокопченой. Приходится встать, чтобы достать до тарелки.

Только на этой раз не успеваю ничего взять. Грубые пальцы обхватывают мое запястье. Антон подрывается с меня и дергает меня на себя. Бедром ударяюсь об угол стола, когда падаю на диван. Тут же пытаюсь подняться. Но Антон, слишком проворно для пьяного, пробирается рукой между мной и диваном, после чего тянет меня на себя, заставляя навалиться ему на грудь. Чувствую на щеке горячее дыхание, на-

полненное парами алкоголя. Тошнота снова подбирается к горлу. Ненавижу этот запах»

Упираюсь руками в спинку дивана с двух сторон от Антона. Пытаюсь оттолкнуться, но оковы смыкаются вокруг моей талии. Все, что мне удается сделать — отстраниться достаточно, чтобы заглянуть в карие омуты. Раньше они меня затягивали, а сейчас я мечтаю лишь о том, чтобы оказаться как можно дальше от них. Сердце бьется быстро. Разгоняет адреналин по венам. Тело переходит в режим «бей или беги».

— Пойми, я люблю тебя, — Антон приближается ко мне и проводит носом по моей щеке. Использую все силы, чтобы еще больше оттолкнуться от дивана. Разорвать оковы не получается, но чуть-чуть отодвинуться удается. Антон снова заглядывает мне в глаза. — Думаю только о тебе. Не могу выбросить из головы. Твои вещи валяются по всей моей квартире. Я все оставил на своих местах. Чтобы, когда ты вернешься, могла почувствовать себя как дома.

Смотрю на него, выпучив глаза, и не могу поверить в услышанное. Какого хрена?

— Я не вернусь, — говорю тихо, но твердо. — И это не любовь.

— Любовь, — Антон пьяно улыбается. — Еще какая любовь. Иначе, как объяснить все, что я делаю? Я в своей жизни ни за кем не бегал. А ради тебя вон целое здание купил.

— Когда кого-то любят, не трахают других, — хмыкаю.

— Это была ошибка, — он одним рывком снова притяги-

вает меня к себе. — И не повторится. Если ты, конечно, меня не вынудишь.

Антон быстро приближает свое лицо к моему. Я даже отвернуться не успеваю. Чувствую его губы на своих, а следом язык, который пытается пробраться мне в рот.

Смыкаю губы так крепко, как могу. Нет! Не после всего!

— Чего ты сопротивляешься? — шепчет он, оставляя короткие поцелуи по всему моему лицу. — Я же знаю, что ты хочешь. Всегда хотела…

Пытаюсь отодвинуться. Бесполезно! Он не слышит. Вместо того, чтобы отпустить меня, Антон спускается поцелуями по подбородку вниз. Отворачиваю голову. Но Антону все равно. Он атакует мое ухо. Прогибаюсь в спине. Мне нужно создать между нами хоть какое-то пространство.

Но Антон не замечает моего сопротивления. Опрокидывает меня на диван, а сам наваливается сверху. Сравнение с Вадимом снова невольно появляется у меня в голове. Последний не пытался взять то, что ему не принадлежит. Кроме моей жизни, конечно.

Чужеродные мысли вылетают из головы, когда я снова чувствую губы Антона на своих. Пытаюсь кричать с закрытым ртом. Но это только поощряет Антона — горячий влажный язык проходится по моим губам. Отворачиваю голову, тем самым позволяю Антону нарисовать влажную дорожку до своего уха. Его зубы смыкаются на мочке.

Шиплю от боли. Снова пытаюсь оттолкнуть Антона. Не

выходит. Так же, как в наш последний раз. Единственное, что я помню — боль… настолько сильную, что она не проходила несколько дней. Слезы брызгают из глаз. Не могу их сдержать. Особенно, когда чувствую выпуклость у себя между ног.

Нет. Нет. Нет!

Пихаю Антона. Но он словно скала, так сильно придавливает меня к дивану, что я толком пошевелиться не могу. Удается только кулаками бить по его плечам. Места для маневра у меня немного. Но я все равно пытаюсь взбрыкнуть. Выгибаюсь. Отворачиваюсь от его.

— Нет! Не надо! Не хочу! — кричу.

Антон не слышит. Целует мой подбородок. Спускается ниже. Зубами оттягивает шарф. Кусает шею…

Кричу от боли. Так громко, что Антон замирает. Не вижу, что он делает. Но чувствую его горячие пальцы на раненной шее. Слышу шумный длинный выдох.

— Что это? — рычит он.

Я молчу. Антона это не устраивает. Он выдергивает руку из-под меня. Обхватывает мой подбородок. Заставляет посмотреть в глаза, наполненные яростью.

— Я тебя спрашиваю. Что это? — цедит Антон сквозь стиснутых зубы.

— Н-ничего! — слезы катятся по вискам.

Антон проживает меня взглядом. Пальцами так сильно сжимает подбородок, что, скорее всего, оставит еще пару си-

няков к уже имеющемся.

— Ты все-таки с кем-то трахалась, да? — сужает глаза. — Какая же ты шлюха, — говорит спокойно. Слишком. Молчит всего мгновение. — Шлюха!

Замахивается и бьет кулаком в диван около моей головы. А потом еще раз. И еще. Закрываю глаза. Сжимаюсь. Жду, что следующий удар прилетит мне. Но больше ничего не происходит. Я только слышу тяжелое дыхание. Оно обдувает мое ухо. Боюсь пошевелиться. Не знаю, сколько длится зловещая тишина. Поэтому вздрагиваю, когда слышу угрожающий шепот:

— Ты пожалеешь!

Тяжесть исчезает с меня. Я на свой страх и риск, открываю сначала один глаз, а потом второй.

Антон, не спотыкаясь и не виляя, идет к выходу. Открывает дверь. Замирает.

Резко подрываюсь и отползаю назад. Вжимаюсь в подлокотник дивана.

Антон даже не оборачивается.

— Ты будешь делать, что я говорю, — его голос наполнен отвращением. Оно словно вирус пропитывает воздух и подбирается ко мне. Чувствую ее горечь на языке. — У нас еще два свидания.

Антон выходит, хлопая дверью.

Я вздрагиваю. Подтягиваю к себе колени. Обнимаю их.

Боже, о чем я только думала, соглашаясь на эту сделку?

Глава 17

Три недели спокойствия.

Звучит почти нереально с учетом дерьма, в которое превратилась моя жизнь. Но, кажется, толика везения у меня все-таки осталась. Отец Антона увез его на «важную» встречу. Она проходила сначала на горнолыжном курорте, потом на каких-то островах, а затем в лесу с ружьем в руках. Все это я увидела в социальных сетях Антона, за которым следила с фейкового аккаунта. Нервничать я, конечно, не перестала и вздрагивала каждый раз, когда звонил мой телефон, но, по крайней мере, смогла помочь родителям найти новое место для мастерской. Куда они и переехали. Абду перевел мне бонус, о котором я не просила, что помогло оплатить аренду.

А вчера вечером, лежа в кровати и листая на планшете присланные Абду бумаги, связанные с военной промышленностью, которые нужно перевести в ближайшее время для его юристов, я получила электронное письмо с приглашением на бал.

Сначала глазам не поверила, даже села на кровати и протерла их. Первой мыслью было «Лиза меня убьет». Потому что этот бал устраивает Абду для налаживания деловых связей в России. И именно на него я отказалась идти, когда Лиза меня пригласила.

Следом появилось желание послать Антона в жопу. И я

уже начала печатать вежливый ответ, когда пришло следующее сообщение с пометкой «второе свидание» и фотографией многоэтажного здания, на первом этаже которого красовалось вывеска «Мастерская по пошиву одежды «Людмила»». Пришлось ответить короткое «ок», подавляя желание что-нибудь разбить.

Сегодня же меня весь день мутит. Утром мне удалось проглотить чай и немного маминого фирменного пирога с вишней. Потом я села за работу и забылась до самого вечера. Только один раз отвлеклась, когда мне доставили большую коробку, в которой лежало синее шелковое платье, черные босоножками и клатч. И, конечно, от меня не скрылась записка «Моя спутница должна быть достойной меня». Когда я примерила платье, захотелось послать Антона в задницу, чтобы он утонул там в говне. Платье едва прикрывало мою попу, не говоря уже о том, что совсем не подходило по сезону. А потом я решила психануть. Если Антон считает «девушку легкого поведения» достойной себя, я с удовольствием продемонстрирую всем гостям на балу его предпочтения.

Вот только выходя из машины, присланной Антоном, моя уверенность, что смогу хотя бы смогу найти его, пошатнулась. «Гостиный двор» всегда казался мне обычным двухэтажным зданием, просто старинным и с множеством колон. Сегодня его подсветили огнями, а ко входу протянули ковровую дорожку.

Количество приглашенных гостей зашкаливает. Куда ни

глянь, везде натыкаешься взглядом девушек в длинных вечерних платьях или мужчин в смокингах. Гостей сложно отличить от охранников. Но последних выдают наушники в ухе и военная стойка. Я оглядываюсь, и понимаю, что охрана чуть ли ни на каждом шагу. Лиза говорила мне, что были какие-то проблемы с безопасностью. Но похоже, все куда серьезнее, чем она предполагала. Или подруга просто не хотела меня пугать, чтобы заманить на бал.

Но такие мероприятия не по мне. Не люблю шумные сборища. Вот только судьба распорядилась иначе, и сама привела меня себя.

Огибаю красную дорожку, минуя фотографов, и подхожу сразу к зданию. Пока сзади раздаются щелчки фотоаппаратов, я останавливаюсь у огромного прохода с двойными дверьми и охраной у каждого угла. На входе стоит молодой араб в национальной одежде с планшетом в руках. Он придирчиво осматривает меня с ног до головы, прежде чем остановиться на моих глазах.

— Девушка, у нас дресс-код, — произносит он с едва заметным акцентом.

«Вот козел», — чуть не вырывается у меня, адресованное совсем не парню на входе. Но вместо того, чтобы выругаться вслух, я изображаю растерянную улыбку.

— Прошу прощения, я только прилетела. Феи крестной у меня нет, поэтому пришлось найти первое попавшееся платье в гардеробе и бежать на бал, — строю невинные глазки,

потом опускаю взгляд. — Хорошо, хоть туфельку не потеряла.

Хлопаю глазками.

— Приношу свои извинения, но я не могу пропустить вас в таком виде, — парень складывает руки за спиной, пряча вместе с ними планшет.

Охрана напрягается. Они ждут только знака, чтобы убрать меня с пути. Щелчки фотоаппаратов становятся все реже. Сердце сильно бьется. Я удивляюсь, как еще в обморок не упала. По спине катится капля пота. Мне остается надеяться, что платье из натурального шелка и не впитывает влагу. Все это время я стараюсь удержать улыбку, но уверена, она пару раз дрогнула.

— Проверьте, пожалуйста, списки, — говорю тихо, но в моем голосе чувствуется сила. — Уверена, мы сможем найти выход. Мое имя — Татьяна Герасимова, — смотрю парню в глаза, приподнимая бровь.

Надеюсь, Лиза внесла меня в списке и оставила пометку «важный гость», как делала обычно на подобных мероприятиях в Дубае. Полагаться на Антона точно не стоит. Не сомневаюсь, он специально затеял все это, чтобы унизить меня.

Парень некоторое время щурится, после чего достает планшет. Быстро двигает пальцем по экрану. Его брови ползут вверх. Он резко вскидывает голову и делает шаг в сторону.

— П-проходите, — говорит парень, уставившись на меня.

Вовремя. До меня доносятся шаги сзади. Скорее всего, другие гости уже дышат мне в затылок.

Я посылаю пареньку короткую улыбку, а он склоняет голову. Но тут же поднимает ее, замечая мои ноги. А-я-яй, а недавно так пристально меня осматривал. Ничего ему не говорю, просто прохожу через открытые двери и окунаюсь в атмосферу бала.

Передо мной появляется танцпол. Огромный. На нем с десяток пар кружат в вальсе. Посреди него находится круглая сцена с музыкантами. Людей столько, что среди них можно потеряться. Они сидят за столиками у стен, стоят рядом с ними, общаются. В самом конце зала замечаю очередь и длинный фуршетный стол. На балконах второго этажа тоже есть люди. Несколько человек точно. Возможно, это охрана.

И как мне найти здесь Антона?

Оглядыва. пространство бального зала и понимаю, что кроме как идти на поиски, мне ничего не остается. Вздыхаю и иду к стене. Маневрировать среди людей и при этом никого не задеть — еще та задачка. Но я справляюсь, даже с учетом того, что иду быстро.

— Таня, — слышу за спиной знакомый голос. Замираю. Твою мать.

Оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с Лизой. Ее волосы уложены в высокую прическу с кудряшками. Одета она в шикарное бордовое платье в пол с расклешенной юбкой и

лифом, инкрустированным бриллиантами. Лиза, нахмурившись, осматривает меня. Задерживается на моем платье, потом на ногах.

Под ее взглядом хочется прикрыться, а когда она снова смотрит мне в глаза и приподнимает бровь, сразу понимаю — придется объясняться. Но не сейчас.

— Потом, — бросаю ей и разворачиваюсь. Надеюсь уйти достаточно далеко, пока Лиза не опомнится. Но подруга приходит в себя слишком быстро и хватает меня на запястье. Приходится снова повернуться. Мы и так привлекли внимание: ловлю парочку любопытных взглядов от брюнеток с бокалами в руках, стоящих неподалеку в черных длинных платьях. Для полного счастья еще скандала не хватает. Тем более с женой шейха. Я дарю брюнеткам самую широкую улыбку, которая имеется в моем арсенале, а когда они отводят взгляды, подхожу к Лизе настолько близко, чтобы она могла слышать мой шепот сквозь громкую музыку.

— Я тебе все расскажу. Обещаю. Просто чуть позже, — заглядываю в глаза подруге. — Сейчас мне нужно решить одну проблему. Не мешай мне, пожалуйста.

Лиза долго смотрит на меня, хмурится и, наконец, кивает.

— Тебе многое придется мне объяснить, — она опускает взгляд на мои ноги, после чего быстро возвращается к лицу, — начиная со своего внешнего вида.

Едва удается сдержать стон, когда представляю допрос с пристрастием, который устроит Лиза. Но смиренно киваю и

освобождаю запястье из ее хватки.

— Увидимся, — оглядываюсь, вроде больше ненужного внимания мы не привлекли. — Позже, — робко улыбаюсь ей и продолжаю свои поиски.

Я и пары метров не прохожу, как замечаю «ямочки». Сердце больно сжимается, но как только вижу светлые волосы сразу отпускает.

Останавливаюсь неподалеку и, склонив голову к плечу, смотрю на Антона. Он, надев белоснежный смокинг, очень отличается от своих собеседников, которые мало того, что ниже ростом, так еще с седыми волосами и во всем черном. Антон широко улыбается, при этом крутит в руке рокс с янтарной жидкостью. Он ведет дружескую беседу и… не замечает меня. Странно, что нигде не видно его отца. Антон — его полная копия не только внешностью, но и характером. Вот только Александр Петрович никогда меня не жаловал, в отличие от сына. Хотя… Антон тоже меня ни во что не ставил. Так что не особо они и отличаются в отношении ко мне

Вспоминаю все годы унижения. Запреты, контроль, манипуляции. В груди закипает ненависть. Сегодняшняя выходка с платьем стала последней каплей. Он должен поплатиться. План в голове появляется моментально, и я с коварной улыбкой широкими шагами преодолеваю расстояние, разделяющего нас.

— Ми-и-и-и-илый, — бросаюсь Антону на шею. — Я тебя так долго искала и вот нашла, — от сладости моего голоса

самой становится противно.

Антон превращается в статую, а я вместо того, чтобы отстраниться, сильнее прижимаюсь к нему. Становлюсь на носочки и звонко чмокаю его в щеку, стараясь преодолеть рвотные позывы.

Антон тут же оживает. Размыкает мои руки и отталкивает меня. Если бы каблуки оказались чуть выше, я бы точно распласталась на полу. А так лишь чуть-чуть подворачиваю ногу и спустя пару секунд стою прямо.

— За что ты так со мной? — строю невинные глазки, изо всех сил изображая обиду. — Мы же о другом договаривались, — оглядываюсь на мужчин, с которыми Антон разговаривал. — Он хотел себе достойную спутницу на этот вечер и позаботился о том, чтобы она у него была. Если вы понимаете, о чем я.

— Хватит! — рев Антона слышен всем вокруг, да еще и музыка очень вовремя затихает.

Я обычно сторонюсь постороннего внимания. Но на этот раз радуюсь ему. Все люди, стоящие неподалеку, замолкают и смотрят на нас. Я же подмигиваю одному молодому блондинчику, стоящему неподалеку, который как раз поднимает глаза на мое лицо. В ответ ловлю похотливую улыбку и внутренне содрогаюсь.

— Антон Александрович, не могли бы вы решить проблему? — жесткость в голосе одного из собеседников моего бывшего ничем не прикрыта.

Антон окидывает меня презрительным, обещающим скорую расправу взглядом.

— Прошу прощения, — он хватает мое запястье и тащит к стене.

Я без вопросов следую за ним, но не забываю оглянуться и отправить воздушный поцелуй собеседникам Антона, которые следят за нашим уходом. Получив «мой подарок», они синхронно качают головами и перешептываются.

Антон открывает первую попавшуюся дверь и затаскивает меня в тусклый коридор. Тянет дальше и, кажется, знает куда идти. Потому что как только мы доходим до конца коридора, там оказывается еще одна дверь. Антон открывает и ее.

Именно в этот момент я понимаю, что попала. Пытаюсь вырвать руку из сжимающих ее пальцев. Но Антон не отпускает. Тащит меня внутрь темной комнаты. Хватаюсь за косяк. Антон резко дергает. Пальцы соскальзывают. Пару ногтей выбиваются в другую сторону. Шиплю от боли, которая тут же отходит на задний план, когда Антон толкает меня и отпускает…

Крик застревает в груди. Сердце останавливается. Я лечу в темноту. Выставляю руки перед собой, чтобы смягчить падение, но приземляюсь на что-то мягкое. У меня в животе словно узел развязывается, а по телу разливается облегчение. Только до тех пор, пока в комнате не загорается свет. Он режет глаза, и мне требуется время, чтобы привыкнуть к нему. Запах химикатов отдается горечью во рту. Коричне-

вый диван подо мной обшарпан.

— Что ты там устроила? — тяжелые шаги заставляют меня подорваться.

Сажусь, но тут же пытаюсь отползти подальше, ведь Антон в два шага преодолевает расстояние, разделяющее нас. Оглядываюсь, но за мной нет ничего, кроме стены. Рядом шкаф с разной бытовой химией. С другой стороны стоит пошкрябаный деревянный стол и задвинутый в его углубление стул с порванной обивкой. Все это находится на расстоянии вытянутой руки от дивана.

— Я к тебе обращаюсь! — Антон хватает меня за плечи и встряхивает, заставляя посмотреть на него. — Что за шоу ты устроила перед партнерами моего отца?

— Так вот, кто это был. Хорошо, — улыбка появляется у меня на лице, и я не пытаюсь ее сдержать.

— Хорошо? — глаза Антона расширяются. — Ты что с ума сошла?

Я веду плечами, пытаясь сбросить руки, вот только у меня ничего не получается. Поэтому просто встаю, заставляя Антона тоже распрямиться. Заглядываю ему в глаза. И несмотря на то, что сердце бьется как сумасшедшее, спокойно произношу:

— Разве не этого ты от меня хотел, присылая такую одежду? Я подумала, что ты хочешь видеть рядом с собой девочку из эскорта, вот и решила подыграть.

Пожимаю плечами. Хочу сделать шаг в сторону, чтобы

обойти Антона и убраться с этого чертового бала. Свидание окончено. Грубые пальцы сильнее впиваются в плечи, и не дают сдвинуться с места. Стискиваю зубы, чтобы не застонать от боли, и с вызовом смотрю на Антона.

— Пусти, — шиплю я.

Он не двигается. Выполнять мою просьбу тоже не собирается. Его шоколадные глаза наполнены сталью, из-за чего у меня по позвоночнику ползет холод. Знаю, что перешла границу, но не жалею. Меня достали его издевательства! Я не буду больше терпеть их!

Вот только вся моя бравада сходит на нет, когда я вижу, как в глазах Антона загорается огонь, а на лице расплывается дьявольская ухмылка. Хочу сделать шаг назад, но врезаюсь икрами в диван.

— Пусти! — голос срывается на крик. Но это не останавливает Антона, который нависает надо мной. Я в попытке отодвинуться прогибаюсь в спине и теряю равновесие. Падаю обратно на диван. Дергаюсь в сторону. Но не успеваю сдвинуться с места, как Антон забирается следом. Он стискивает мои ноги коленями. Перед моим лицом оказывается его пах.

О нет! Нет!

Толкаю Антона, но он сильно цепляется в меня, поэтому не могу сдвинуть егоТолкаю снова. И снова. Не помогает.

Спустя несколько секунд Антон сам отпускает мои плечи. И я тут же пользуюсь возможностью. Пихаю сильнее. Беспо-

лезно. Он ловит мои запястья, перехватывает рукой и прижимает их в моей груди. Я начинаю брыкаться. Антон сильнее сжимает ноги. Обездвиживает меня. Кладет свободную руку на ремень.

Замираю. Мои глаза расширяются. Слежу за каждым его движением. Он расстегивает пряжку. Вытаскивает пуговицы из петли. Опускает молнию вниз…

— Что ты делаешь? — выдавливаю из себя лишь шепот.

Тяжело сглатываю. Антон хищно улыбается и обхватывает вялый член ладонью.

— Зря я отпустил тебя в клубе, — в его голосе звучат опасные нотки. — Но ничего, сейчас наверстаем. Раз ты выставила себя шлюхой, исполняй свои прямые обязанности.

— Нет, ты не можешь, — мои глаза становятся еще шире. — Помогите! — кричу так громко, как могу. Мотаю головой. — Помогите!

Антон гладит член. Тот твердеет на глазах. Хочу снова закричать, но боюсь открыть рот. Отворачиваюсь. Сильнее стискиваю челюсти. Антон тут же хватает меня за подбородок. Поворачивает мою голову обратно. Член уже стоит. Пытаюсь отодвинуться, когда чувствую давление на щеки. Антон нажимает на какие-то точки. Боль волной разносится по лицу, челюсти немеют, рот открывается.

Даже если закричу, мне никто не поможет.

Глава 18

Отталкиваюсь ногами от пола и резко поднимаю бедра. Антон явно не ожидает от меня такой прыти. Но вместо того, чтобы свалиться с меня, он всего лишь пошатывается и наваливается на меня. Зато отпускает мое лицо. Хватается за спинку дивана. Я отворачиваю голову.

— Помогите! — кричу во все горло, хотя не верю, что меня кто-то услышит.

— Заткнись, тварь, — Антон дергает меня за волосы, тянет голову назад, и заглядывает в глаза. — Думаешь, ты кому-то нужна? Никто не придет тебе на помощь!

— Если засунешь в меня эту штуку, я ее откушу, — шиплю, кивая на ширинку, рот стараюсь сильно не открывать.

Потому что зловещая улыбка Антона мне не нравится. Совсем. Как и огонь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.